

День седьмой.

Кончается шестой день Декамерона и начинается седьмой, во время котораго, подъ предсѣдательствомъ Діонео, разсказывается объ обманахъ, къ которымъ прибѣгли жены въ отношеніи своихъ мужей, ради любви или самосохраненія.

Всѣ звѣзды уже померкли на востокѣ, кромѣ той, которую зовутъ Люциферомъ; она еще блестяла въ занимающейся зарѣ, когда сенешаль всталъ и отправился со всѣми припасами въ Долину Дамъ, чтобы все тамъ приготовить, согласно повелѣнію своего господина.

Послѣ его отъѣзда всталъ и король, разбуженный шумомъ нагрѣзчиковъ и топотомъ вьючныхъ животныхъ, и приказалъ также разбудить дамъ и молодыхъ людей.

При первыхъ лучахъ восходящаго солнца общество двинулось въ путь, и всѣмъ казалось, что никогда соловьи и другія птицы не пѣли такъ радостно, какъ въ это утро. Сопровождаемые этимъ пѣніемъ, они вошли въ Долину Дамъ, гдѣ ихъ встрѣтило еще большее количество птицъ, точно радовавшихся ихъ приходу.

Они обошли всю долину, любуясь ею и она показалась имъ еще красивѣе, чѣмъ наканунѣ, такъ какъ на зарѣ все ставится прекраснѣе. Подкрѣпившись хорошими винами и тонкими закусками, они также начали пѣть, чтобъ не отставать отъ птицъ, которыя вторили ихъ пѣснямъ, не желая быть побѣжденными. Когда пришло время обѣда, поставили столы подъ раскидистыми лаврами и другими чудными деревьями, окружающими озеро; всѣ размѣстились по указанію короля, болтали, ѣли и смотрѣли на многочисленныхъ рыбъ, плавающихъ въ водѣ.

Послѣ обѣда столы и яства убрали, и они снова начали пѣть еще веселѣе прежняго. Потомъ догадливый сенешаль приготовилъ въ разныхъ мѣстахъ Долины кровати со спущенными пологами и желающіе могли идти отдохнуть съ разрѣшенія короля; не желавшіе-же спать, стали развлекаться какъ кто хотѣлъ. Когда же пришло время всѣмъ собраться для разсказовъ, король велѣлъ разостлать ковры, всѣ усѣлись на берегу озера, и онъ приказалъ Эмилиі начать. Она улыбнулась и весело начала:

Новелла I.

Ослиная голова.

Джіанни Лоттеринги слышитъ ночью стукъ въ дверь и будитъ свою жену. Она увѣряетъ его, что это привидѣніе. Они вмѣстѣ заклинаятъ его молитвой, и стукъ прекращается.

— Государь если бы вы захотѣли, мнѣ было бы приятно, чтобъ другая начала новеллы на такую интересную тему. Но, такъ какъ вамъ угодно, я охотно начну первая. Я постараюсь, милыя подруги, рассказать вещи, могущія пригодиться вамъ въ будущемъ, на случай, если вы такія же трусихи какъ я по части привидѣній. Мы, вѣрно, всё одинаково ихъ боимся,—хотя, видитъ Богъ, я не знаю, что это такое, и никогда не видала кого-нибудь, кто бы это зналъ—и вы можете, если хорошо запомните мой рассказъ, научиться вполне дѣйствительному заклинанію, если привидѣнія являются вамъ.

Во Флоренціи, на улицѣ Санъ-Бранкаціо жилъ когда-то шерстобитъ, по имени Джіанни Лоттеринги, человекъ трудолюбивый, но не умный, котораго тѣмъ не менѣе много разъ назначали начальникомъ хора пѣвчихъ церкви Санта-Марія-Новелла, что налогало на него обязанность принимать ихъ у себя, а онъ этимъ очень гордился. Происходило это отъ того, что онъ жилъ въ достаткѣ и давалъ хорошія угощенія своимъ товарищамъ. Они же, часто получая отъ него, то обувь, то шапку, то наплечникъ, обучали его за это молитвамъ въ переводѣ, плачу Св. Бернарда, гимну Матильды и всякой дребедени, которую онъ съ благоговѣніемъ заучивалъ, считая душеспасительной.

Этотъ Джіанни Лоттеринги былъ женатъ, на красивой и привлекательной Моннѣ Тесса, дочери Маннуціо де ла Кукулія, очень умной и

хитрой. Эта дама, зная простоту своего мужа и влюбившись въ Федерико ди-Нери Пеголетти, молодого и красиваго юношу, который тоже ее любилъ, устроила черезъ служанку, чтобъ Федерико пришелъ къ ней на великолѣпную дачу Джіанни въ Камерати, гдѣ она проводила все лѣто, а мужъ только изрѣдка прѣзжалъ ужинать и ночевать,—рано утромъ возвращаясь опять въ свою лавку, а еще чаще къ своимъ пѣвчимъ.

Федерико, тоже страстно желавшій свиданія, не приминулъ придти въ назначенный день и такъ какъ Джіанни не было, онъ спокойно и радостно поужиналъ и провелъ ночь со своей дамой; она же, лежа въ его объятіяхъ, научила его многимъ молитвамъ своего мужа. Такъ какъ она не желала, чтобъ это первое свиданіе было послѣднимъ, они придумали на будущее время такой способъ, чтобъ не посылать каждый разъ служанку; Федерико, ежедневно прѣзжалъ на свою дачу, лежащую немного дальше, долженъ былъ смотрѣть на виноградникъ около дома Монны, гдѣ на одномъ изъ листовъ торчала ослиная голова: если морда окажется повернутой къ Флоренціи, онъ можетъ спокойно придти къ ней вечеромъ, и если дверь не отперта, тихонько постучать три раза: когда же морда обращена къ Фіезоле, значить Джіанни тутъ, и онъ не долженъ приходить.

Такимъ образомъ, у нихъ было нѣсколько свиданій. Но, однажды, когда Федерико долженъ былъ придти ужинать съ Монной, и она велѣла сварить двухъ жирныхъ кашуновъ, вдругъ неожиданно и очень поздно явился Джіанни, что очень раздосадовало Тессу. Поэтому она поужинала съ мужемъ солониной, а кашуновъ велѣла служанкѣ положить въ чистую скатерть, прибавивъ ниць и бутылку хорошаго вина и отнести въ садъ, гдѣ она ужинала иногда съ Федерикомъ и куда можно было пройти, минуя домъ. Она приказала служанкѣ снести все это къ персиковому дереву у лужайки, но второпяхъ забыла сказать, чтобы она дождалась Федерико и сообщила ему о прѣздѣ Джіанни.

Послѣ ужина они легли въ постель съ мужемъ и служанка тоже пошла спать. Вскорѣ пришелъ Федерико и тихонько постучалъ въ дверь, которая была такъ близко отъ спальни, что Джіанни тотчасъ услышалъ стукъ; Монна тоже слышала его, но притворилась спящей, такъ что Джіанни ни въ чемъ ее не заподозрилъ. Подождавъ минутку, Федерико постучалъ опять, и тогда Джіанни, удивленный, толкнулъ локтемъ жену и сказалъ:

— Тесса, слышишь?—кажется стучать въ нашу дверь?

Она же, слышавшая еще лучше его, притворилась, что просыпается, и спросила:

— Что ты говоришь?—что это?

— Я говорю, что стучать въ нашу дверь,—продолжалъ Джіанни.

На это она сказала:

— Стучать?—Увы, мой бѣдный Джіанни, развѣ ты не знаешь, что это такое?—Это привидѣніе, изъ-за котораго я провела много ночей

въ смертельномъ страхѣ; я пряталась съ головой подъ одѣяло и не смѣла выглянуть до разсвѣта.

Тогда Джіанни сказалъ:

— Ну, жена, не бойся! Если это привидѣніе, мнѣ стоитъ только прошептатъ те *Lucis*, или *Inbermerata* ложась спать и перекрестить всѣ углы кровати во имя Отца и Сына и Святаго Духа, чтобы ничего не бояться, такъ какъ тогда никакое привидѣніе не можетъ причинить намъ вреда.

Но дама, боясь, что Федерико заподозритъ ее и разсердится, рѣшила встать и дать ему понять, что Джіанни тутъ, а потому сказала мужу:

— Да, да, тебѣ хорошо говорить, а я не буду спокойна, пока мы не заклинемъ его вмѣстѣ съ тобой.

— А какъ же заклинять его?—спросилъ Джіанни.

— Я знаю какимъ образомъ,—отвѣчала Тесса,—такъ какъ на-дняхъ, когда я ходила въ Фіезоле, одна изъ монашенокъ,—которыя, какъ тебѣ извѣстно, мой милый Джіани, самыя святаыя существа на землѣ,—видя, что я такъ боюсь, научила меня священному заклинанію, которое сама испытывала не разъ еще не будучи монашенкой. Но я никогда не рѣшилась бы испробовать его одна: а теперь, когда ты здѣсь, мы пойдемъ вмѣстѣ заклинять привидѣніе.

Джіанни охотно согласился, они встали и тихонько пошли къ двери, за которой ждалъ Федерико, уже начинавшій что-то подозрѣвать. Тутъ она обратилась къ Джіанни:

— Ты плюнешь, когда я тебѣ скажу.

-- Хорошо,—отвѣчалъ Джіанни, и она начала заклинаніе.

— Привидѣніе, привидѣніе! Ты бродишь по ночамъ, ты стоишь съ поднятымъ хвостомъ и также уйдешь отсюда. Пойди въ садъ, ты тамъ найдешь подъ персиковымъ деревомъ двухъ вареныхъ кашлуновъ и сотню яицъ отъ моей курицы: выпей вина и уйди и не причиняй никакого зла ни мнѣ, ни моему мужу Джіанни. Послѣ этого, она сказала мужу:

— Плюнь, Джіанни.—И Джіанни плюнулъ.

Федерико, слышавшій все это, несмотря на свою неудачу, едва удерживалъ смѣхъ и тихонько приговаривалъ:—Плюй, плюй!—Проговоривъ три раза заклинаніе, Тесса опять легла въ постель съ мужемъ. Федерико же, не ужинавшій дома, такъ какъ шелъ къ ней, отлично понялъ смыслъ заклинанія: онъ пошелъ въ садъ, нашелъ у дерева кашлуновъ, яйца и вино, все это унесъ къ себѣ и отлично поужиналъ. Встрѣчаясь потомъ съ Тессой, они много разъ смѣялись вмѣстѣ надъ ея способомъ заклинять привидѣнія.

Другіе говорятъ, что она повернула осла мордой къ Фіезоле, но мимо проходившій пахарь ударилъ его палкой, такъ что онъ нѣсколько разъ обернулся и остался повернутымъ къ Флоренціи, вслѣдствіе чего Федерико пришелъ, думая, что его ждутъ. Тесса же придумала заклинаніе съ цѣлью сказать ему: Привидѣніе, привидѣніе, иди съ Богомъ; не

я повернула голову осла, а кто то другой, да накажетъ его Богъ. Я здѣсь съ мужемъ моимъ Джіанни. Велѣдствіе чего Федерико ушелъ безъ ужина и безъ крова.

Одна моя сосѣдка, очень старая дама, говорила мнѣ, что оба случая произошли, какъ она слышала въ дѣтствѣ, но только второй былъ не съ Джіанни Лоттеринги, а съ нѣкіемъ Джіанни ди Нелло, который жилъ у воротъ Санъ Піерро и былъ такъ же глупъ какъ Джіанни Лоттеринги.

— А вы, милыя дамы, можете выбирать ту версію, которая вамъ больше понравится, а если захотите, то воспользуйтесь обѣими. Какъ видите онѣ очень дѣйствительны въ такихъ случаяхъ: не забудьте ихъ, онѣ могутъ вамъ пригодиться.

√ Новелла II.

Чанъ.

Перонелла, слыша, что мужъ возвращается домой, прячетъ своего любовника въ чанъ, который мужъ только что продалъ. Она говоритъ, что тоже продала его и новый покупатель влѣзъ туда его осммотрѣть. Любовникъ вылѣзаетъ, заставляеть мужа чистить чанъ, пока самъ любезничаютъ съ женой и велить отнести его къ себѣ.

Разсказъ Эмилиі выслушали весело смѣясь, а заклинаніе признали хорошимъ и дѣйствительнымъ.

Тогда король приказалъ Филострато продолжать, и тотъ началъ свою новеллу:

— Милыя дамы! Мужчины и особенно мужья такъ много обманываютъ васъ, что если женщиныѣ случится обмануть мужа, вы должны быть не только счастливы и довольны, но должны желать сами распространять это событіе, дабы мужья знали, что и женамъ извѣстны разныя уловки. Обманывать опаснѣе когда знаешь, что и другой на это способенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что все наши сегодняшніе разказы сильно ограничатъ желаніе мужчинъ васъ обманывать, когда они увидятъ, что и вы умѣете сдѣлать то же самое. И вотъ я хочу вамъ сообщить, какъ поступила со своимъ мужемъ одна молодая женщина, хотя и не высокаго происхожденія, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія.

— Еще не такъ давно одинъ бѣдный неаполитанецъ женился на красивой, привѣтливой дѣвушкѣ, по имени Перонелла. Онъ былъ каменщикъ, она пряла, оба работали и съ трудомъ зарабатывали себѣ существованіе. Одинъ молодой человекъ, увидавъ Перонеллу, влюбился въ нее и такъ настойчиво ухаживалъ за ней, что добился взаимности. Чтобы устроить свиданіе, они порѣшили такъ: когда мужъ уходитъ на работу, молодой человекъ долженъ караулить. Такъ какъ улица очень пустынная, то возлюбленный замѣтитъ, когда мужъ скроется, и войдетъ. Такъ они дѣлали нѣсколько разъ. Но, однажды, утромъ, когда мужъ ушелъ, а Джіаннелло Стриняро—такъ звали молодого человека—былъ съ Перонеллой, вдругъ неожиданно вернулся мужъ, который долженъ былъ отсутствовать цѣлый день. Найдя дверь запертой, онъ постучалъ, а самъ думалъ про себя: Благодарю Тебя, Господи! хоть Ты и послалъ мнѣ бѣдность, но вознаградишь меня, давъ мнѣ хорошую честную жену. Вотъ какъ она заперла дверь, какъ только я ушелъ, чтобъ никто не могъ войти и причинить мнѣ непріятности!

Перонелла, узнавъ шаги мужа, сказала:

— Увы, мой Джіаннелло, я погибла! Не понимаю, что это значить, такъ какъ онъ никогда не возвращается въ это время; быть можетъ онъ видѣлъ, какъ ты вошелъ, но, ради Бога, чтобы тамъ не было, влѣзь въ этотъ чанъ; потомъ я отворю ему, и мы увидимъ, отчего онъ такъ рано вернулся.

Джіаннелло быстро влѣзь въ чанъ, а Перонелла отворила дверь и сердито сказала мужу:

— Что случилось, что ты такъ рано вернулся? Ты, кажется, не собираешься работать сегодня и принесъ съ собой все инструменты; чѣмъ же мы будемъ жить тогда? Гдѣ мы возьмемъ хлѣба? Не думаешь ли ты, что я дамъ тебѣ закладывать мои платья и тряпки? А я пряду день и ночь не разгибая спины, чтобъ что-нибудь заработать. Ахъ мужъ, мужъ, все сосѣдки смѣются, что я переносу такую трудную жизнь, а ты приходишь домой, когда тебѣ слѣдовало бы работать! Она разрыдалась и все продолжала укорять оторопѣвшаго мужа.

— Увы! несчастная я, что родилась на свѣтъ для такой жизни! Я могла бы выйти замужъ за хорошаго человека и выбрала этого, а онъ даже не думаетъ о своей женѣ. Другія забавляются съ любовниками, у многихъ даже по два и по три, онѣ веселятся и обманываютъ мужей. А я, несчастная, терплю за свою доброту и честность. И не знаю, отчего я не захожу любовника, какъ другія; есть много молодыхъ и красивыхъ людей, которые желаютъ мнѣ добра и давно предлагали мнѣ деньги, платья и золотыя вещи. Но я не хотѣла даже слушать ихъ, потому что я честная женщина. А ты приходишь домой, когда надо работать!

— Не печалься, дорогая моя,—сказалъ мужъ.—Я знаю какое ты сокровище и, особенно сегодня, понялъ это. Я, правда, пошелъ на работу, но ты не знаешь, какъ и я не зналъ, что сегодня праздникъ Св.

Новелла III.

Молитва против колики.

Братъ Рено вступаетъ въ связь со своей кумой. Мужъ застаётъ его въ ея комнатѣ и оба увѣряютъ, что заклинали червячковъ въ его ребенкѣ.

Филостратъ такъ прозрачно упомянулъ о юношескомъ пылѣ Джіанелло, что смѣтливья дамы засмѣялись, хотя притворились, что смѣются совсѣмъ по другому поводу. Когда его разсказъ былъ оконченъ, король приказалъ Элизѣ продолжать и она тотчасъ же начала:

— Милыя дамы, разсказъ Эмили о заклинаніи привидѣній напомнилъ мнѣ случай въ такомъ же родѣ. Онъ менѣе удаченъ, но мнѣ теперь не приходится на умъ другой болѣе подходящей разсказъ.

Быть можетъ, вы знаете, что въ Сиеннѣ жилъ когда-то молодой человекъ, очень красивый, изъ уважаемый семьи, по имени Рено. Онъ былъ страстно влюбленъ въ свою сосѣдку, красивую даму, жену очень богатаго человека, и надѣялся, что добьется отъ нея взаимности, если найдетъ возможность съ ней поговорить. Не находя такого случая и вида, что дама беременна, онъ вздумалъ сдѣлаться ея кумомъ.

Познакомившись съ мужемъ, онъ ловко высказалъ свое желаніе и оно было исполнено; такимъ образомъ Рено сталъ кумомъ Агнесы и имѣя возможность свободно разговаривать съ ней, открылъ ей свое намѣреніе, о которомъ она уже раньше догадалась по его пламеннымъ взглядамъ. Но дѣло не подвигалось, хотя дама охотно выслушала его.

Немного спустя, не знаю почему, Рено сдѣлался монахомъ и хотя въ это время его нѣсколько оставила любовь къ кумѣ и разныя другія суетныя стремленія, но вскорѣ, все оставаясь монахомъ, онъ сталъ всюду показываться, нашилъ красивое, дорогое платье, былъ наряденъ

и изящень, сочинялъ пѣсни, сонеты и баллады, пѣлъ и занимался всякими неподобающими вещами.

— Но что я говорю именно о братѣ Рено? Развѣ не всѣ монахи таковы?

— О! Позоръ испорченнаго свѣта! И имъ не стыдно быть толстыми и жирными, съ румяными лицами, избѣженными и женоподобными: они разгуливаютъ съ грудью впередъ, высоко поднявъ голову, не какъ голуби, а какъ торжествующіе пѣтухи. А хуже всего—не говоря уже о ихъ кельяхъ, наполненныхъ склянками съ помадами и мазями, банками варенья, флаковами съ душистыми водами и маслами, бутылками мальвазіей и другими рѣдкими и дорогими винами, такъ что кельи эти больше похожи на аптеки и парфюмерныя лавки; хуже всего, что они не краснѣютъ, что болѣютъ подагрой; они воображаютъ, будто никто не знаетъ, что отъ поста, простой умѣренной пищи и воздержанной жизни, люди мужають и здоровѣютъ, а если и болѣютъ то ужъ во всякомъ случаѣ не подагрой, которую лѣчатъ воздержаніемъ, вполне соответствующимъ скромной монашеской жизни. Они воображаютъ также, что никто не знаетъ, что скромная жизнь, продолжительныя молитвы и строгая дисциплина дѣлаютъ людей серьезными и блѣдными: ни у святого Доминика, ни у святого Франциска не было многочисленныхъ, нарядныхъ одеждъ: они носили грубыя простыя ткани, для защиты отъ холода, а не для франтовства.

Да исправить ихъ Господь и да просвѣтитъ Онъ также и добрыхъ людей, которые кормятъ этихъ тунеядцевъ!

Братъ Рено, вернувшись къ прежнимъ своимъ привычкамъ, началъ опять часто посѣщать свою куму и сталъ сильнѣе и настойчивѣе добиваться исполненія своихъ желаній.

Агнеса, находившая его красивѣе, чѣмъ когда-либо, также полюбила его и когда онъ однажды особенно усиленно упрасивалъ ее, прибѣгла къ способу, къ которому всегда прибѣгаютъ при сильномъ желаніи сдаться, и спросила:

— Какъ, братъ Рено, развѣ монахи занимаются такими вещами? На что братъ Рено отвѣтилъ:

— Когда я сниму мой кашюшонъ, а это очень не долго, я буду для васъ не монахомъ, а такимъ же мужчиной, какъ всѣ остальные.

Дама улыбнулась, говоря:

— Увы! я очень несчастна: вы мой кумъ и это совѣтъ невозможно. Я слышала, что это ужасный грѣхъ. Конечно, если бы не это, я исполнила бы ваше желаніе.

Но братъ Рено сказалъ:

— Кумушка! Глупо, если васъ останавливаетъ такое соображеніе. Я не говорю, что это не грѣхъ, но Богъ прощаетъ и большіе грѣхи, когда каются. А теперь скажите, кто ближе вашему сыну, я ли, который крестилъ его, или вашъ мужъ, который создалъ его?

— Мой мужъ ему ближе, отвѣчала дама.

— Совершенно вѣрно, — продолжалъ монахъ, — слѣдовательно я, мнѣ близкій по родству вашему сыну, чѣмъ вашъ мужъ, имѣю такое же право какъ и онъ.

Дама, очевидно не особенно сильная въ логикѣ и глуповатая, повѣрила или притворилась, что вѣрить монаху, и сказала:

— Кто же сумѣетъ опровергнуть ваши мудрыя слова? — и согласилась на его просьбу, несмотря на кумовство.

Они не ограничились первымъ свиданіемъ и часто видались подъ прикрытіемъ кумовства. Однажды, братъ Рено, придя къ своей дамѣ, увидать, что никого нѣтъ кромѣ молодой служанки, очень красивой и молодой, которую онъ послалъ на голубятню со своимъ товарищемъ учиться молитвамъ; самъ же онъ пошелъ со своей дамой, державшей за руку ребенка, въ ея спальню, гдѣ они заперлись и взобрались на кровать. Въ это время вернулся мужъ и, никѣмъ не замѣченный, дошелъ

до спальни, постучалъ и позвалъ жену. Агнеса, услышавъ его голосъ, сказала:

— Я погибла, это мой мужъ; онъ узнаеть теперь причину нашей дружбы.

Братъ Рено былъ раздѣтъ, то есть безъ кашюнона и безъ рясы, въ одной курткѣ и отвѣтилъ:

— Это правда, еслибъ я былъ одѣтъ, можно бы еще какъ-нибудь извернуться; но если вы отворите и онъ застанеть меня въ такомъ видѣ, нельзя будетъ придумать никакого объясненія. Вдругъ даму оза-рила внезапная мысль:

— Одѣвайтесь скорѣе,—сказала она,—а какъ одѣнетесь, возьмите на руки вашего крестника и слушайте хорошенько, что я буду говорить мужу, чтобъ наши слова не противорѣчили другъ другу. Остальное предоставьте мнѣ.

Мужъ еще не пересталъ стучать, когда жена отвѣтила ему:

— Сейчасъ отворю. Она встала, съ улыбкой подошла къ двери, отворила ее и сказала:

— Мужъ, я скажу тебѣ, что къ намъ пришелъ братъ Рено, нашъ кумъ и самъ Богъ его послалъ такъ какъ бозъ него мы лишились бы нашего ребенка.

Слыша это, дуракъ мужъ чуть не упалъ въ обморокъ и вскричалъ:

— Какъ это?

— О!—продолжала дама,—съ нимъ сдѣлалась такая слабость, что я думала онъ умеръ, и не знала, что дѣлать, когда пришелъ братъ Рено. Онъ взялъ ребенка на руки и сказалъ:

— Кума, у него въ тѣлѣ черви, которые, поднимаясь къ сердцу, скоро уморили бы его, но не бойтесь: я буду заклинать ихъ, они все погибнутъ и прежде чѣмъ я удалюсь, вашъ ребенокъ будетъ свѣжъ и здоровъ, какъ никогда. Намъ нужно было тебя, чтобы прочесть нѣкоторыя молитвы, но такъ какъ служанка не нашла тебя, Рено заставилъ своего товарища читать эти молитвы въ самомъ высокомъ мѣстѣ дома, а мы съ нимъ вошли въ спальню и заперлись, чтобы никто посторонній не помѣшалъ намъ, такъ какъ никто, кромѣ матери, не можетъ присутствовать при этомъ обрядѣ. Онъ еще и теперь держитъ нашего сына на рукахъ и, вѣрно, ждетъ только, чтобы его товарищъ окончилъ молитвы, такъ какъ ребенокъ совершенно пришелъ въ себя.

Дуракъ, повѣривъ всему, былъ пораженъ. Онъ такъ любилъ сына, что ему даже въ голову не пришло заподозрить жену въ обманѣ: онъ глубоко вздохнулъ, говоря:

— Я хочу посмотреть на него.

Но жена сказала:

— Нѣтъ, не ходи, ты испортишь все дѣло; подожди, я посмотрю, можно ли тебѣ войти и позову. Братъ Рено, все слышавшій, наскоро одѣлся, взялъ ребенка на руки и спросилъ:

— Эй! кумушка, не кумъ ли тамъ?

А дуракъ отвѣтилъ: «да».

— Идите сюда,—позвалъ монахъ и простофиля вошелъ.

— Вы видите вашего сына здоровымъ и невредимымъ, благодаря Богу, но была минута, когда я думалъ, что онъ не доживетъ до вечерни: закажите восковую свѣчу въ его ростъ и поставьте передъ изображеніемъ святаго Амброзія, молитвами котораго Господь исцѣлилъ его.

Товарищъ брата Рено, который научилъ молоденькую служанку не одной, а по меньшей мѣрѣ четыремъ молитвамъ и далъ ей бѣлый, шелковый кошелекъ, полученный имъ отъ одной набожной вдовы, слыша, какъ колпакъ-мужъ стучитъ въ дверь, тихонько подошелъ и все видѣлъ и слышалъ: когда все обошлось благополучно, онъ вошелъ въ комнату, говоря:

— Братъ Рено, я прочиталъ до конца четыре молитвы, какъ вы приказали.

— Ты молодецъ, ты хорошо сдѣлалъ—отвѣчалъ братъ Рено.—А я, когда пришелъ кумъ, прочиталъ только двѣ, но Богъ, видя твои труды и мои, исцѣлилъ ребенка.

Тогда добрый мужъ велѣлъ подать хорошаго вина и закуску и угостилъ брата Рено и его товарища, которымъ это было очень кстати. Выйдя вмѣстѣ съ ними изъ дома, онъ призвалъ на нихъ благословеніе Божіе, а самъ поспѣшилъ заказать восковую свѣчу и поставилъ ее передъ статуей св. Амброзія, но не той, что въ Миланѣ.

Новелла IV.

Наказанный ревнивецъ.

Тофано оставляетъ ночью свою жену за дверью. Видя, что просьбы не дѣйствуютъ, она дѣлаетъ видъ, будто бросается, въ колодець, куда кидаетъ большой камень Тофано, выходитъ изъ дома и бѣжитъ къ колодецу: въ это время жена входитъ въ домъ запираетъ дверь и осыпаетъ мужа ругательствами изъ окна.

Король, увидавъ, что разсказъ Элизы конченъ, сейчасъ же обернулся къ Лауреттѣ и она, не колеблясь, начала такъ:

— О Амуръ! Какъ велика твоя сила! Какъ поразительны твой умъ и предусмотрительность! Какой философъ, какой художникъ могъ бы избобрѣсти тѣ уловки, ту изворотливость, которымъ ты научаешь своихъ послѣдователей? Конечно, всѣ искусства меркнуть передъ твоимъ, какъ это доказали всѣ хитрости, о которыхъ сейчасъ разсказывали. Къ этимъ хитростямъ, влюбленные дамы, я прибавлю еще одну, придуманную совсѣмъ простой женщиной, слѣдовательно, никто, кромѣ Амура, не могъ научить ее.

— Жилъ нѣкогда въ Ареццо богатый человѣкъ, котораго звали Тофано. Онъ взялъ себѣ въ жены очень красивую дѣвушку по имени Монна Гита и очень скоро, безъ всякой причины, началъ ревновать ее. Замѣтивъ это, она разсердилась, не разъ спрашивала его о причинѣ этой ревности и такъ какъ онъ не могъ указать основательныхъ причинъ, ей пришло въ голову наказать его тѣмъ, чего онъ боялся безъ основанія.

Выбравъ молодого человѣка, который ей нравился и ухаживалъ за ней, она тихонько сговорила съ нимъ и, когда имъ оставалось только закрѣпить слова фактами, она начала придумывать, какъ привести это въ исполненіе.

Она уже замѣтила, что мужъ ея любить сильно вышнѣ и стала всячески поощрять его. Она такъ пріучила его, что могла когда

угодно напоить его до-пьяна и тогда посылала его спать; таким образомъ она устроила первое свиданіе со своимъ любовникомъ и потомъ много разъ встрѣчалась съ нимъ совершенно безопасно.

Она такъ вѣрила въ опьяненіе мужа, что не только рѣшалась принимать любовника у себя, но даже уходила на добрую половину ночи къ нему, недалеко отъ ея дома.

Когда несчастный мужъ сталъ замѣчать, что она сама никогда не пьетъ, когда побуждаетъ его пить, онъ заподозрилъ истину, то есть, что жена спаиваетъ его, чтобы быть совершенно свободной, пока онъ спитъ. Желая удостовѣриться въ этомъ, онъ, однажды, вечеромъ, не пивъ ничего за цѣлый день, представился совершенно пьянымъ. Жена повѣрила этому и не считая нужнымъ еще поить его, поскорѣ послала его спать. По-

томъ, по обыкновенію, она пошла къ своему любовнику и оставалась тамъ до полуночи.

Тофано, вида, что жены нѣтъ, всталъ, заперъ дверь и сталъ караулить у окна ея возвращеніе, чтобы доказать, что онъ знаетъ ея поведеніе.

Дама, вернувшись домой и найдя дверь запертой, была очень раздосадована и попробовала открыть ее силой. А Тофано закричалъ ей:

— Жена, не трудись понапрасну, сегодня ты не войдешь въ домъ. Иди, откуда пришла, и знай, что ты вернешься только тогда, когда я надлежащимъ образомъ проучу тебя въ присутствіи твоихъ родныхъ и сосѣдей.

Она стала упрашивать, чтобы онъ отворилъ ей ради Бога, такъ какъ она пришла не оттуда, откуда онъ думаетъ, а отъ одной сосѣдки, которая не можетъ спать всю ночь и боится сидѣть одна. Но мольбы не помогали, ревнивый мужъ рѣшилъ оповѣстить свой позоръ всему Ареццо, тогда какъ никто ничего не подозрѣвалъ.

Тогда она прибѣгла къ угрозамъ:

— Если ты не отворишь дверь, я сдѣлаю тебя самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

— А что ты можешь мнѣ сдѣлать?—спросилъ Тофано.

Амуръ уже наострилъ ея умъ своими совѣтами и она отвѣчала:

— Я лучше брошусь въ этотъ колодець, чѣмъ терпѣть незаслуженный позоръ; а когда меня найдутъ тамъ мертвой, всѣ подумаютъ, что ты меня бросилъ туда, будучи пьянъ; тогда тебѣ придется оставить все имущество и бѣжать или тебѣ отрубятъ голову, какъ моему убійцѣ, что будетъ совершенно вѣрно.

Но Тофано не отступалъ отъ своего глупаго рѣшенія и жена сказала ему:

— Я не могу больше переносить такого обращенія; да проститъ тебѣ Богъ; вели взять мое веретено, я его оставляю здѣсь.

Сказавъ это, она пошла къ колодецю, взяла большой камень и, крикнувъ: <Да проститъ тебя Богъ!>, бросила его въ воду.

Камень, падая въ воду произвелъ сильный шумъ и Тофано подумалъ, что она дѣйствительно бросилась въ колодець; поэтому онъ взялъ ведро, веревку, поспѣшно вышелъ изъ дома и побѣжалъ ей на помощь. Она же, спрятавшись у самой двери, какъ только мужъ выбѣжалъ, быстро вошла въ домъ, заперла дверь на ключъ и закричала изъ окна:

— Разбавляй водой вино, когда его пьешь, а не поздибе, и особенно не ночью.

Тофано, слыша ея голосъ, понялъ, что его обонли, подошелъ къ двери и найдя ее запертой, приказалъ женѣ отпереть. Но она, помучивъ его немножко, какъ онъ это сдѣлалъ съ ней, начала кричать:

— Видитъ Богъ, ты не войдешь въ домъ сегодня, негодный пья-

ница; я не могу больше выносить твоего поведенія; пусть всё узнают, когда ты возвращаешься домой.

И Тофано, въ свою очередь разсерженный, началъ бранить ее и кричать, а сосѣди, слыша такой шумъ, высунулись въ окна, спрашивая въ чемъ дѣло. Она плакала и говорила:

— Вотъ этотъ несчастный приходитъ пьяный домой среди ночи, шатаясь по трактирамъ. Я долго это переносила, но теперь рѣшила не выпускать его въ домъ, чтобы онъ исправился.

Но и Тофано рассказывалъ, какъ было дѣло, и угрожалъ ей, а она объясняла сосѣдямъ:

— Видите, что это за человѣкъ! Чтобы вы подумали, если бы я была на улицѣ въ этотъ часъ, а онъ дома? Вы повѣрили бы, что онъ говорить правду. Посмотрите, въ какомъ онъ видѣ. Онъ сваливаетъ на меня то, что, вѣроятно, сдѣлалъ самъ. Онъ хотѣлъ испугать меня, притворяясь, что бросился въ какой-то колодець; пусть бы правда бросилась и утонула; это разбавило бы вино, котораго онъ слишкомъ много пьетъ.

Всѣ сосѣди стали бранить Тофано и укорять его за то, что онъ взводитъ на жену; дальше — больше: крикъ дошелъ до родныхъ жены, они прибѣжали, узнали все отъ сосѣдей, схватили Тофано и избили его. Потомъ вошли въ домъ, взяли тамъ всѣ вещи жены и увезли ее, пригрозивъ Тофано, что еще сильнѣе проучать его.

Тофано, видя свое грустное положеніе и понимая, что его привела къ нему ревность, просилъ посредничества друзей, такъ какъ былъ расположенъ къ своей женѣ, и добился, наконецъ, примиренія; жена вернулась къ нему, а онъ обѣщалъ больше не ревновать и даже далъ ей полную свободу, лишь бы онъ ничего не замѣчалъ. Такимъ образомъ онъ, какъ безумецъ, заключилъ миръ, принявъ на себя убытки. Да здравствуетъ Амуръ!

Новелла V.

Мужь-исповѣдникъ.

Ревнивый мужь переодѣвается священникомъ и исповѣдуетъ свою жену. Она увѣряетъ его, что любить священника, который приходитъ къ ней каждую ночь. Ревнивецъ караулитъ, чтобъ поймать священника, а дама въ это время впускаетъ къ себѣ любовника черезъ крышу и развлекается съ нимъ.

Лауретта кончила свой рассказъ, и всѣ хвалили даму, находя, что мужу досталось по дѣламъ, а король, чтобы не терять время, любезно обратился къ Фіамметтѣ, и та начала:

— Благородныя дамы, предыдущая повѣсть побуждаетъ меня рассказать вамъ тоже о ревнивцѣ, такъ какъ я нахожу, что женщины всегда правы, когда обманываютъ мужей, ревнующихъ безъ основанія. Я думаю, еслибъ законодатели взвѣсили все это, они не осудили бы женщинъ, какъ не осуждаютъ и человѣка защищающаго свою жизнь, такъ какъ ревность, положительно, губитъ жизнь молодыхъ женщинъ. Очень понятно, что онѣ, отдаваясь всю недѣлю заботамъ о домѣ и семьѣ, хотятъ, какъ и всѣ, отдохнуть и повеселиться въ праздникъ, какъ земледѣльцы, какъ ремесленники, какъ придворные и какъ самъ Господь, который почилъ отъ дѣлъ на седьмой день; того требуютъ всѣ законы божескіе и человѣческіе, которые установили различіе, для общей пользы, между буднями и праздниками. А ревницы не хотятъ на это соглашаться; даже наоборотъ, въ тѣ дни, когда всѣ веселятся, они еще крѣпче запираютъ своихъ женъ. Эти несчастныя тоскуютъ такъ, что только испытавшія это могутъ ихъ понять. Изъ этого я заключаю, что обманъ мужа, неосновательно ревнующаго, долженъ быть одобренъ, а не порицаемъ.

Итакъ, въ Аримено былъ купецъ, богатый помѣстьями и капиталомъ, женатый на очень красивой женщинѣ, которую онъ ревновалъ безъ мѣры. Онъ не имѣлъ другого повода, кромѣ слѣдующаго соображенія:

сильно любя ее и находя ее прекрасной и признавая, что она старается нравиться ему, онъ думалъ, что всѣ мужчины любятъ ее, всѣ находятъ прекрасной, и она всѣмъ также старается нравиться, какъ ему; разсужденіе что показываетъ въ немъ дурного и неблагоразумнаго человѣка. По своей ревности, онъ такъ охранялъ ее, какъ, вѣроятно, не охраняются въ тюрьмѣ приговоренные къ смертной казни.

Эта дама не могла не только ходить на свадьбы, на праздники или хоть въ церковь, но не могла даже ни подѣ какимъ предлогомъ смотрѣть въ окно; жизнь ея была самая несчастная и тѣмъ болѣе тяжелая, что она не знала за собой никакой вины.

Видя, что мужъ напрасно оскорбляетъ ее, она стала придумывать, нельзя ли такъ устроить, для собственнаго утѣшенія, чтобъ это оскорбленіе было хоть основательно.

Но такъ какъ она не могла сидѣть у окна и благосклонно принять любовь кого-нибудь, кто увидалъ бы ее съ улицы, и зная при томъ, что въ сосѣднемъ домѣ живетъ красивый и любезный молодой человѣкъ, она подумала, что если найдется отверстіе въ стѣнѣ, раздѣляющей оба дома, ей можно будетъ увидать молодого человѣка и предложить ему свою любовь, если онъ захочетъ ее принять; потомъ, если окажется возможность видѣться, они будутъ иногда встрѣчаться, и это внесетъ разнообразіе въ ея жизнь, пока бѣсъ ревности не выйдетъ изъ ея мужа.

Парапая стѣну во всѣхъ углахъ, въ отсутствіи мужа, она нашла, наконецъ, маленькую щель.

Посмотрѣвъ въ эту щель, хоть и мало было видно, она все таки увидала, что это комната и подумала: если эта комната Филиппо — молодого сосѣда — то половина дѣла сдѣлана. Она приказала своей служанкѣ, сочувствующей ей, подкараулить и узнала, что молодой человѣкъ спалъ одинъ въ этой комнатѣ. Она часто стала заглядывать въ щель, а когда молодой человѣкъ былъ въ комнатѣ, она бросала туда камешки, щепки, а когда онъ подошелъ, однажды, посмотрѣть, что это такое, она тихонько позвала его. Сосѣдъ, узнавъ ея голосъ, отвѣтилъ, и она, пользуясь случаемъ, въ нѣсколькихъ словахъ, открыла ему свою душу. Онъ же, очень довольный приключеніемъ, увеличилъ отверстіе, но такъ, что никто не могъ его замѣтить. Тутъ они часто разговаривали, подавали руку другъ другу, но дальше дѣло не шло, благодаря чрезмѣрной бдительности ревнивца.

При наступленіи Рождества, дама сказала мужу, что ей хотѣлось бы, если онъ согласится, исповѣдаться и причаститься, какъ это дѣлаютъ всѣ христіане.

На это ревнивецъ сказалъ:

— Какіе у тебя грѣхи, что ты хочешь исповѣдываться?

— Какъ, — удивилась дама, — развѣ ты думаешь, что я святая, отъ того ты держишь меня взаперти? У меня такіе же грѣхи, какъ и у всѣхъ, но я не скажу ихъ тебѣ, такъ какъ ты не священникъ.

Эти слова показались ревнивцу подозрительными, и онъ сталъ придумывать, какъ бы узнать ея грѣхи, а женѣ сказалъ, что согласенъ, но только она должна непремѣнно идти въ ихъ церковь, рано утромъ, исповѣдываться у ихъ капеллана или у того священника, котораго онъ укажетъ, и сейчасъ же возвратиться домой.

Дама почувала что-то недоброе, но не возражала и общала такъ поступить.

Въ день праздника она встала на разсвѣтъ, одѣлась и пошла въ указанную мужемъ церковь.

Нашъ ревнивецъ тоже всталъ, пошелъ въ ту же церковь, но пришелъ туда раньше жены.

Сговорившись съ капелланомъ, онъ наскоро одѣлъ священническую рясу, нахлобучилъ капюшонъ и сѣлъ въ исповѣдальню.

Дама, придя въ церковь, спросила капеллана; онъ, узнавъ, что она хочетъ исповѣдаться, извинился, сказалъ, что пришлетъ ей другаго священника, и пошелъ за ревнивцемъ.

Тотъ укрылся какъ только можно, но несмотря на темноту, жена узнала его и подумала про себя: Господи! изъ ревнивца превратился въ священника. Хорошо! Пусть получитъ, чего искалъ.

Не подавъ вида, что узнала его, она опустила передъ нимъ на колѣни.

Онъ же набралъ камешковъ въ ротъ, чтобъ она не узнала его по голосу, а во всемъ остальномъ онъ считалъ себя неузнаваемымъ.

Начавъ исповѣдь, дама заявила ему между прочимъ, что она замужемъ, но влюблена въ священника, который каждую ночь приходитъ къ ней.

Когда ревнивецъ услышалъ это, его точно ножомъ пырнуло въ сердце; онъ охотно бросилъ бы исповѣдь и ушелъ, еслибъ не желаніе узнать еще больше. Овладевъ собой, онъ спросилъ:

— Какъ же это возможно? Развѣ вашъ мужъ не спитъ съ вами?

— Со мной, — отвѣчала дама.

— Какъ же можетъ тогда приходиться священникъ?

— Не знаю, какъ онъ это дѣлаетъ, но всѣ двери растворяются передъ нимъ; онъ говорилъ мнѣ, что произноситъ какія то слова, подходя къ моей двери, и мой мужъ немедленно засыпаетъ; тогда онъ открываетъ дверь и ложится со мной.

— Это очень не хорошо и вы должны перестать.

— Не думаю, чтобъ я могла васъ послушать, — отвѣчала дама, — я слишкомъ люблю его.

— Тогда я не могу дать вамъ отпущеніе, — сказалъ ревнивецъ.

— Очень жаль; я пришла сюда не лгать; еслибъ это было возможно, я такъ и сказала бы вамъ.

— Право, мнѣ жаль васъ, — возразилъ ревнивецъ, — такъ какъ вы губите вашу душу; но я хочу помочь вамъ и буду особенно молиться

за васъ. Иногда я буду посылать вамъ своего мальчика прислужника и вы будете говорить ему, помогаютъ ли вамъ мои молитвы.

— Не посылайте никого; мой мужъ такъ ревнивъ, что во всемъ видитъ дурное и мнѣ цѣлый годъ не будетъ покоя отъ него.

— Не безпокойтесь; я такъ устрою, что вы не услышите упрекъ отъ него.

Послѣ исповѣди и наложенія наказанія, она пошла слушать обѣдню.

Ревнивецъ, задыхаясь отъ злобы, сбросилъ свою рясу и вернулся домой, горя желаніемъ застигнуть жену со священникомъ и раздѣлаться по своему съ обоими.

Дама, придя домой, видѣла, что мужъ раздраженъ, но онъ скрываетъ это и, рѣшивъ ночью подкараулить священника, сказалъ женѣ:

— Сегодня я не буду дома ужинать и ночевать, поэтому запри хорошенько входную дверь, лѣстницу и твою комнату и ложись спать, когда вздумаешь.

— Хорошо, — сказала она, — и сдѣлала условный знакъ Филиппо.

Тотъ сейчасъ же прибѣжалъ, она рассказала ему случившееся и прибавила:

— Я увѣрена, что онъ не выйдетъ изъ дома, а будетъ караулить у двери; поэтому найди возможность пробраться черезъ крышу и приходи ко мнѣ.

Когда настала ночь, ревнивецъ запаса оружіемъ и спрятался въ подвалъ. А жена, заперевъ всѣ двери, особенно входную, чтобъ мужъ

не побезпокоилъ ее, провела молодого человѣка къ себѣ, и они отлично провели время; на развѣтѣ молодой человѣкъ вернулся къ себѣ тѣмъ же путемъ.

Ревнивецъ же злой, голодный и продрогный почти всю ночь простоялъ у двери, ожидая священника; наконецъ, будучи не въ силахъ больше стоять, онъ заснулъ въ подвалѣ. Утромъ, когда двери были уже открыты, онъ прошелъ въ свою комнату, будто только возвратившись домой, и позавтракалъ. Немного погодя, онъ позвалъ мальчика и послалъ его подъ видомъ служителя священника къ женѣ спросить, приходилъ ли тотъ, кого она знаетъ.

Дама, отлично знавшая посланнаго, отвѣтила, что онъ не приходилъ эту ночь и если такъ будетъ продолжаться, она легко можетъ забыть его, чего однако не желаетъ.

Что вамъ сказать еще? Ревнивецъ провелъ нѣсколько ночей у двери, а дама со своимъ любовникомъ.

Наконецъ, будучи не въ силахъ больше сдержаться, онъ грозно спросилъ жену, что говорила она священнику на исповѣди?—Дама отвѣчала, что не хочетъ ему сказать, такъ какъ это нечестно и неприлично.

— Скверная женщина,—вскричалъ ревнивецъ,—а я все-таки знаю, что ты сказала ему: но теперь, я долженъ, наконецъ, знать, какой это священникъ, въ котораго ты такъ сильно влюбилась и который, благодаря своему колдовству, приходитъ къ тебѣ каждую ночь, или я убью тебя.

Дама отвѣчала, что это не правда, что она не влюблена въ священника.

— Какъ, развѣ ты не говорила этого священнику на исповѣди?

— Онъ тебѣ этого не передавалъ, но ты не зналъ бы лучше, еслибъ даже присутствовалъ при этомъ, ну, да, я это сказала.

— Такъ говори, кто этотъ священникъ и живѣй.

Дама улыбнулась и отвѣтила:

— Мнѣ всегда пріятно, когда глупая женщина водить за носъ умнаго мужчину, какъ барана ведутъ за рога на бойню; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ ты былъ уменъ, особенно съ того дня, когда поддался ревности безъ всякой причины; поэтому чѣмъ ты глупѣе, тѣмъ менѣе я могу гордиться моей хитростью. Неужели ты думаешь, о мой мужъ, что я такъ же слѣпа, какъ ты ослѣпленъ? Конечно нѣтъ; я съ перваго взгляда узнала тебя въ священникѣ, который меня исповѣдывалъ и рѣшила доставить тебѣ то, чего ты добивался. Еслибъ ты былъ уменъ, какъ ты воображаешь, ты не старался бы узнать такимъ путемъ тайны твоей доброй жены и увидалъ бы, что она говоритъ правду, но я ничѣмъ не согрѣшила противъ тебя. Я сказала тебѣ, что люблю священника: а развѣ ты, котораго я совершенно напрасно люблю, не переселся священникомъ? Я сказала, что ни одна дверь въ домъ не могла оставаться запертой, когда онъ хотѣлъ быть со мной: а какая

же дверь запиралась для тебя, когда ты хотѣлъ быть со мной? Я сказала, что священникъ каждую ночь проводить со мной: а когда же ты спалъ не въ одной комнатѣ со мной? Каждый разъ, когда ты посылалъ маленькаго служителя, ты не былъ со мной, какъ тебѣ извѣстно и я отвѣчала, что священникъ не приходилъ. Только ты, ослѣпленный ревностью, не понялъ этого. И ты еще сидѣлъ дома ночью и сторожилъ дверь, а меня хотѣлъ увѣрить, что не ночуешь дома!

Опомнись и сдѣлайся опять такимъ, какимъ ты былъ прежде: не попадайся на удочку тѣхъ, которые такъ хорошо знаютъ тебя, какъ я, и брось свой надзоръ за мной, такъ какъ, будь у тебя хоть сто глазъ вмѣсто двухъ, еслибъ я хотѣла украсить тебя рогами—клянусь Богомъ, я всегда сумѣла бы провести тебя, и ты бы даже этого не замѣтилъ.

Злой ревнивецъ, воображавшій, что ловко выпыталъ тайну жены, услыша эти слова, понялъ, что надъ нимъ посмѣялись; онъ ничего не отвѣтилъ, но призналъ свою жену доброй и вѣрной и бросилъ свою ревность именно тогда, когда она была бы умѣстна.

Дама же, пользуясь полной свободой, приводила своего любовника ужъ не по крышамъ, какъ кошки, а черезъ дверь и, принимая нѣкоторыя предосторожности, часто видалась съ нимъ.

Новелла VI.V

Двойная хитрость.

Синьору Изабеллу, находящуюся со своимъ любовникомъ Монетто, посѣщаетъ синьоръ Ламбертуччіо, который также ее любитъ. Тѣмъ временемъ возвращается мужъ; дама выпроваживаетъ Ламбертуччіо, давъ ему ножъ въ руки, будто онъ гнался за Монетто, котораго потомъ провожаетъ ее мужъ.

Разсказъ Фіамметты удивительно всѣмъ понравился; всѣ нашли, что дама хорошо поступила, а такой грубый человѣкъ не заслужилъ ничего лучшаго. Тогда король велѣлъ Пампиниѣ продолжать и она начала такъ:

— Весьма многіе утверждаютъ, будто любовь лишаетъ разсудка, такъ что всѣ влюбленные теряютъ голову и память. Мнѣніе это нелѣпо, что доказываютъ всѣ разсказанные случаи, и я тоже хочу это доказать.

— Въ нашемъ городѣ жила когда-то молодая дама, благородная и очень красивая, жена храбраго и достойнаго рыцаря. Но, какъ надоѣдаетъ всегда бѣсть то же самое кушанье и хочется иногда перемѣны, такъ и эта дама, не вполне удовлетворяясь своимъ мужемъ, влюбилась въ молодаго человѣка, по имени Монетто, красиваго и изящнаго, хотя и не высокаго происхожденія, который тоже влюбился въ нее. Очень рѣдко случается, чтобъ не удавалось то, чего обѣ стороны сильно желаютъ, а потому и ихъ любовь скоро пришла къ обычной развязкѣ. Въ это же время, такъ какъ дама была красива и любезна, въ нее влюбился рыцарь Ламбертуччіо, но онъ казался ей грубымъ, и она ни за что не могла рѣшиться полюбить его.

Рыцарь тщетно добивался ея взаимности и, наконецъ, пригрозилъ, будучи очень вліятельнъ, осрамить ее, если она не исполнитъ его желанія.

Дама боялась его, зная на что онъ способенъ, и покорилась его требованію.

Изабелла, такъ звали даму, поѣхала на лѣто на свою великолѣпную дачу въ окрестностяхъ города и вскорѣ мужъ ея уѣхалъ на нѣсколько дней. Она сейчасъ же вызвала Монетто и тотъ немедленно явился съ радостью.

Ламбертуччіо, узнавъ объ отъѣздѣ мужа, сѣлъ на лошадь и тоже отправился къ своей возлюбленной.

Служанка, увидавъ его, побѣжала къ своей хозяйкѣ, которая была въ спальнѣ съ Монетто, и закричала ей:

— Рыцарь Ламбертуччіо пріѣхалъ.

Дама была очень опечалена, но такъ какъ она боялась его, то попросила Монетто спрятаться за пологъ кровати и подождать, пока тотъ уйдетъ.

Монетто, не меньше ее боявшійся рыцаря, спрятался, а служанка пошла открывать ворота.

Ламбертуччіо вѣхалъ во дворъ, привязалъ лошадь и поднялся къ Изабеллѣ, которая старалась любезно встрѣтить его и спросила, зачѣмъ онъ пріѣхалъ:

— Душа моя, — отвѣчалъ рыцарь, цѣлуя и обнимая ее, — я узналъ, что вашего мужа нѣтъ, и пріѣхалъ провести время съ вами.

При этомъ они вошли въ комнату молодой женщины и заперлись.

Въ это время совершенно неожиданно возвратился мужъ Изабеллы. Служанка, завидѣвъ его, поспѣшила къ своей госпожѣ.

— Сударыня, господинъ вернулся; онъ уже, кажется, вѣхалъ во дворъ.

Дама, услышавъ это, вспомнила, что у нея двое мужчинъ, и понимая, что нельзя спрятать Ламбертуччіо изъ-за его лошади, она уже сочла себя погибшей. Тѣмъ не менѣе, она быстро вскочила намѣтила планъ дѣйствія и обратилась къ Ламбертуччіо:

— Если вы желаете мнѣ добра и хотите спасти мою жизнь, дѣлайте то, что я вамъ скажу. Возьмите ножъ, бѣгите съ лѣстницы съ негодующимъ видомъ и кричите: «Клянусь Богомъ, я найду его въ другомъ мѣстѣ!» Если мой мужъ остановитъ васъ и захочетъ что нибудь спросить, говорите только то, что я вамъ сказала, садитесь на лошадь и не оставайтесь ни подъ какимъ предлогомъ.

Рыцарь отвѣтилъ «съ удовольствіемъ» и, вынувъ ножъ, съ разгоряченнымъ отъ досады лицомъ, исполнилъ приказаніе дамы.

Мужъ Изабеллы уже слѣзъ съ лошади, но, видя во дворѣ другую привязанную лошадь, очень удивился и хотѣлъ войти, когда увидаль; спускавшагося съ лѣстницы Ламбертуччіо.

— Что такое? — спросилъ онъ. — Но Ламбертуччіо уже вскочилъ на лошадь, крикнувъ только:

— О, я найду его!—и усекалъ.

Мужъ засталъ даму на лѣстницѣ, страшно смущенною, дрожащею отъ страха и спросилъ:

— Кому грозить такъ свирѣпо Ламбертуччіо?

Дама вошла въ комнату, чтобъ Монетто слышалъ, и отвѣтила:

— Никогда не испытала я такого страха. Сейчасъ опрометью вбѣжалъ сюда молодой человѣкъ, котораго я не знаю и за которымъ гнался съ ножомъ Ламбертуччіо; увидя открытую дверь, онъ сказалъ мнѣ, весь дрожа:

— Сударыня, ради Бога, спасите меня, чтобъ меня не убили въ вашихъ объятіяхъ! Я вкочила и только хотѣла его спросить, кто онъ и что ему надо, какъ Ламбертуччіо уже поднимался по лѣстницѣ, крича «гдѣ измѣнникъ»? Я встала на порогъ и не пустила его; онъ былъ такъ вѣжливъ, что не вошелъ и удалился, какъ вы видѣли, съ угрозами.

Тогда мужъ сказалъ:

— Жена, ты хорошо поступила; было бы большимъ позоромъ для насъ, еслибъ кого-нибудь убили здѣсь, а Ламбертуччіо поступилъ неприлично, преслѣдуя человѣка, укрывшагося у меня.

— А гдѣ же этотъ молодой человѣкъ?

— Не знаю, куда онъ спрятался,—отвѣчала дама.

Тогда рыцарь позвалъ:

— Гдѣ ты? Выйди, не бойся.

Монетто, все слышавшій и дрожавшій, точно ему дѣйствительно было чего бояться, вышелъ изъ своей засады.

— Что же вышло у тебя съ Ламбертуччіо?—спросилъ рыцарь.

Молодой человѣкъ отвѣчалъ:

— Ровно ничего, и я думаю, что онъ не въ здоровомъ умѣ или принялъ меня за другого; какъ только онъ издали увидалъ меня по дороге къ этой дамѣ, онъ вынулъ ножъ и началъ кричать: измѣнникъ, смерть тебѣ! Я не спрашивалъ у него объясненія, а побѣжалъ изо всѣхъ силъ сюда, гдѣ благодаря Богу и этой доброй дамѣ я былъ спасенъ.

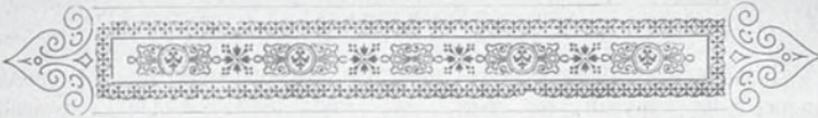
Рыцарь сказалъ ему:

— Ну, теперь не бойся ничего, я доставлю тебя здоровымъ и невредимымъ домой, а потомъ самъ увидишь, какъ поступить съ нимъ.

Послѣ ужина онъ посадилъ его на лошадь и проводилъ во Флоренцію до самаго дома.

По совѣту дамы Монетто въ тотъ же вечеръ по секрету переговорилъ съ Ламбертуччіо и такъ устроился съ нимъ, что хотя объ этой исторіи много толковали, но рыцарь никогда не узналъ, какъ жена его обманула.

Новелла VII.

Избитый и довольный рогоносецъ.

Людовико признается синьорѣ Беатриче въ любви. Она посылаетъ своего мужа Эгано вмѣсто себя въ садъ, а сама остается съ Людовико; потомъ онъ встаетъ, идетъ въ садъ и колотитъ Эгано.

Все общество пришло въ восторгъ отъ присутствія духа, выказаннаго Изабеллой, а Филомена, которой король велѣлъ продолжать, начала новеллу такъ:

— Возлюбленные дамы! Я расскажу вамъ сейчасъ случай не менѣ интересный.

Вы должны знать, что въ Парижѣ жилъ когда то флорентинскій дворянинъ, который по бѣдности своей сдѣлался купцомъ и такъ удачно торговалъ, что сталъ крупнымъ богачемъ.

Онъ былъ женатъ и имѣлъ единственнаго сына—Людовика; чтобъ онъ унаслѣдовалъ благородство своихъ предковъ, а не профессію отца, отецъ не отдалъ его ученикомъ въ лавку, а пустилъ съ другими дворянами на службу короля Франціи, гдѣ онъ научился прекраснымъ манерамъ и многому хорошему. Разъ когда молодой человекъ былъ при дворѣ, съ нимъ вступили въ разговоръ нѣкоторые рыцари, возвратившіеся отъ Гроба Господня; они говорили о красавицахъ Франціи, Англій и другихъ частей свѣта, и одинъ рыцарь сказалъ, что ни одна изъ нихъ не можетъ равняться красотой съ женою Эгено де-Галонци изъ Болоньи, по имени Беатриче, и всѣ его товарищи, видѣвши эту даму, согласились съ нимъ. Слыша это, Людовикъ, еще не влюбленный ни въ какую даму, возгорѣлся такимъ желаніемъ увидать красавицу, что ни о чемъ другомъ думать не могъ и рѣшилъ поѣхать въ Болонью и поселиться тамъ, если дама ему понравится. Онъ далъ понять отцу, что желалъ бы посѣтить Гробницу Господню, и съ трудомъ получилъ на это разрѣшеніе.

Назвавшись Аникино, онъ прѣхалъ въ Болонью и ему посчастливилось на другой же день, на праздникъ, увидеть Беатриче; онъ нашелъ ее еще красивѣе, чѣмъ воображалъ, страстно влюбился въ нее и рѣшилъ не уѣзжать изъ Болоньи, не добившись ея любви. Раздумывая про себя о способахъ достиженія своей цѣли, онъ рѣшилъ, что лучше всего сдѣлаться служителемъ ея мужа, какихъ у него было много. Распродавъ лошадей и сговорившись со своими людьми, онъ пошелъ къ содержателю гостиницы и сказалъ, что охотно поступилъ бы въ услуженіе къ какому-нибудь дворянину, если это возможно.

— Хорошо, — отвѣчалъ трактирщикъ, — ты именно такой служитель какого надо одному нашему вельможѣ, по имени Эгано; у него ихъ много, и онъ хочетъ, чтобъ они всѣ были красивы, какъ ты; я поговорю съ нимъ. — Онъ такъ и сдѣлалъ; Эгано согласился взять Аникино, чѣмъ тотъ былъ крайне доволенъ.

Живя у Эгано и часто видя его жену, онъ служилъ съ такой преданностью, что Эгано сильно привязался къ нему, ничего не дѣлалъ безъ его совѣта и поручилъ ему управленіе всѣми своими дѣлами.

Однажды Эгано отправился на ловлю птицъ, Аникино остался дома одинъ, а Беатриче, еще не догадывавшаяся о его любви — хотя уже замѣтила его прекрасныя манеры и очень хвалила его — сѣла играть съ нимъ въ шахматы. Аникино, желая ей нравиться, все проигрывалъ и дама была въ полномъ восторгѣ. Когда же всѣ прислужницы ея ушли и они остались одни, Аникино испустилъ глубочайшій вздохъ. Дама посмотрѣла на него и сказала:

— Что съ тобой Аникино? Развѣ тебя такъ огорчаетъ, что я выигрываю?

— Увы! причина, вызвавшая мой вздохъ гораздо серьезнѣе.

— Такъ скажи мнѣ ее, если хоть немножко любишь меня.

Когда Аникино услышалъ такую фразу «если хоть немножко любишь меня» — изъ устъ той, которую любилъ больше всего на свѣтѣ, онъ вздохнулъ еще печальнѣе, а дама снова попросила его сказать ей его горе.

Тогда Аникино сказалъ:

— Я боюсь, что это васъ разсердитъ и еще боюсь, что вы это скажете другимъ.

А дама отвѣтила:

— Я навѣрно не разсержусь и будь покоенъ, что я никому, ничего не скажу, если ты не пожелаешь.

— Если позволите, то я вамъ скажу, — проговорилъ Аникино, и почти со слезами разсказалъ ей, кто онъ, что слышалъ объ ней, какъ и когда влюбился въ нее и для чего сдѣлался служителемъ ея мужа. Потомъ онъ смиренно попросилъ ее, если это только возможно, исполнить его завѣтное желаніе, а если нельзя, то хоть дозволить любить ее, оставаясь въ скромномъ положеніи слуги.

О чудесная сила болонской крови! Какъ ты всегда сказывалась въ подобныхъ случаяхъ! Ты никогда не любила слезъ и страданій и всегда сдавалась смиреннымъ мольбамъ и вздохамъ любви; еслибъ я умѣла найти похвалы достойныя тебя, мой голосъ не пересталъ бы восхвалять тебя.

Пока Аникино говорилъ, благородная дама смотрѣла на него, вполне вѣря его словамъ и мольбамъ, и его любовь съ такой силой проникла въ ея сердце, что и она начала вздыхать и, послѣ нѣсколькихъ вздоховъ, сказала:

— Мой милый Аникино, ободрись; ни дары, ни обѣщанія, ни просьбы рыцарей, вельможъ и многихъ другихъ—ибо за мной много

ухаживали и прежде и теперь—не тронули моего сердца, и я никого не любила, но тебя, пока ты говорилъ, я полюбила такъ сильно, что принадлежу тебѣ больше чѣмъ самой себѣ. Я нахожу, что ты вполне заслужилъ мою любовь, и обещаю, что ты насладишься ею еще до исхода наступающей ночи. Для этого ты придешь около полуночи въ мою комнату, я оставлю дверь открытой; ты знаешь, съ какой стороны кровати я лежу, разбудишь меня и получишь награду за свое продолжительное желаніе. Чтобы ты вѣрилъ моимъ словамъ, я поцѣлую тебя въ видѣ задатка. И обнявъ его, она любовно поцѣловала его, и Аникино отвѣтилъ ей тѣмъ же, отъ всего сердца.

Послѣ этого Аникино ушелъ по своимъ дѣламъ, съ величайшей радостью ожидая ночи.

Эгано, возвратясь съ охоты, усталый, легъ, сейчасъ же послѣ ужина, и жена поцѣловала за нимъ, оставивъ дверь открытой, какъ обѣщала.

Въ назначенный часъ, Аникино тихонько вошелъ, заперъ дверь изнутри, подошелъ къ Беатриче, положилъ ей руку на грудь и увидаль, что она не спитъ.

Она же взяла его руку обѣими своими и держа ее крѣпко, начала ворочаться, пока Эгано не проснулся и спросила его:

— Я не хотѣла ничего говорить тебѣ вечеромъ, такъ какъ ты казался мнѣ усталымъ, но скажи мнѣ, мой милый Эгано, во имя всего святаго, кого считаешь ты самымъ честнымъ и благороднымъ изъ твоихъ слугъ и кого любишь больше всѣхъ?

Эгано отвѣчалъ:

— Что ты спрашиваешь, жена? Развѣ сама не знаешь? Конечно у меня нѣтъ и не было никогда болѣе довѣреннаго и любимаго слуги какъ Аникино. Но для чего этотъ вопросъ?

Аникино, видя, что Эгано проснулся и слыша, что говорятъ о немъ, нѣсколько разъ пытался вырваться, думая, что дама посмѣялась надъ нимъ; но она такъ крѣпко держала его, что онъ никакъ не могъ освободиться.

— Сейчасъ скажу,—отвѣчала дама. Я тоже думала, какъ и ты, что онъ самый вѣрный и преданный изъ всѣхъ, но обманулась, такъ какъ вчера, когда ты уѣхалъ на охоту и онъ остался одинъ, онъ не постыдился попросить меня удовлетворить его желаніе. Я же, чтобъ имѣть возможность выдать его безъ всякихъ другихъ доказательствъ, согласилась и сказала, что буду ждать его сегодня ночью въ саду у сосны. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія идти туда, но ты, если желаешь узнать вѣрность твоего слуги, можешь надѣть мое платье, взять покрывало и пойти посмотреть придетъ ли онъ въ садъ, въ чемъ я вполне увѣрена.

— Конечно, надо посмотреть,—сказалъ на это Эгано.

При этомъ онъ всталъ, одѣлся въ платье жены и пошелъ въ садъ дожидать Аникино.

Какъ только онъ одѣлся и вышелъ изъ комнаты, дама встала и заперла дверь изнутри. Аникино, никогда не испытывшій подобнаго страха и дѣлавшій невѣроятныя усилія, чтобъ вырваться изъ рукъ дамы, проклиная и ее и свою любовь, видя такую развязку, былъ самымъ счастливымъ человѣкомъ на свѣтѣ.

Дама опять легла въ постель, предложила ему раздѣться и они вмѣстѣ радовались и наслаждались нѣкоторое время.

Потомъ, сообразивъ, что Аникино не можетъ дольше оставаться, она велѣла ему встать, одѣться и сказала:

— Дорогой другъ, возьми хорошую палку и иди въ садъ; тамъ, дѣлая видъ, что просилъ этого свиданія, чтобъ испытать меня, ты всячески изругаешь Эгано, будто принимая его за меня, и исколотить его хорошенько, а мы будемъ радоваться и забавляться.

Аникино всталъ, взялъ здоровую палку и пошелъ въ садъ, а Эгано, видя его, радостно поспѣшилъ ему на встрѣчу.

Но тутъ Аникино закричалъ:

— А, гадкая женщина! Такъ ты пришла и повѣрила, что я опозорю моего хозяина?—Будь ты проклята тысячу разъ! И, поднявъ палку, онъ началъ колотить несчастнаго мужа.

Эгано, увидя палку, пустился въ бѣгство, а Аникино преслѣдовалъ его, говоря:

— Уходи, преступная жена, завтра утромъ я это непременно расскажу Эгано.

Эгано, получивъ нѣсколько здоровыхъ ударовъ, поспѣшилъ въ спальню, гдѣ дама спросила его, приходилъ ли Аникино.

— Лучше бы онъ не приходилъ,—отвѣчалъ Эгано,—такъ какъ, принявъ меня за тебя, онъ избилъ меня и осыпалъ самыми ужасными ругательствами; я, конечно, очень удивился, что онъ сдѣлалъ тебѣ такое предложеніе, но видя тебя веселой и привѣтливой, онъ хотѣлъ испытать.

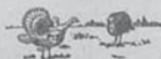
На это дама отвѣтила:

— Слава Богу, что меня онъ испыталъ только словами, а тебя палкой; я думаю, онъ нашелъ, что я терпѣливѣе переношу слова, чѣмъ ты удары; но если онъ такъ преданъ тебѣ, я согласна его любить и уважать.

— Конечно,—согласился Эгано.

Съ этого дня, основываясь на такомъ доказательствѣ, Эгано былъ убѣжденъ, что у него самая вѣрная жена и самый преданный слуга, какіе только могутъ быть.

Аникино и дама много смѣялись надъ своей продѣлкой и во все время пока Аникино оставался слугою Эгано, они пользовались большей свободой для своихъ свиданій, чѣмъ могли бы безъ этого случая.

Новелла VIII.

Оправданная жена.

Муж ревнует жену. Она привязывает ночью веревку къ пальцу ноги, чтобы знать, когда придетъ ея любовникъ. Муж угадываетъ обманъ, гонится за любовникомъ, а жена въ это время заставляетъ лечь въ постель на ея мѣсто другую женщину, которую мужъ, по возвращеніи, бьетъ и деретъ за волосы. Потомъ онъ отправляется за братьями жены, которые, видя, что онъ сказалъ имъ неправду, осыпаютъ его ругательствами.

Всѣ нашли, что Беатриче удивительно остроумно посмѣялась надъ мужемъ, а Аникино долженъ былъ сильно испугаться, когда дама рассказывала, какъ онъ преслѣдовалъ ее своей любовью. Когда Филомена смогла, король обратился къ Неифиле, говоря: ваша очередь.

Она улыбнулась и начала:

Прелестныя дамы, я не могу придумать такого интереснаго разсказа, какіе вы слышали до сихъ поръ, но надѣюсь, все-таки позабавить васъ.

Вы должны знать, что въ нашемъ городѣ жилъ когда то богатѣйшій купецъ, по имени Арригуччіо Берлингieri, который, какъ это и теперь водится у купцовъ, вздумалъ облагородиться женитъбой на молодой, красивой женщинѣ, выше его по происхожденію, которую звали Монна Спемонда. Такъ какъ мужъ ея, какъ всѣ купцы, былъ часто въ разъѣздахъ и мало оставался съ ней, она влюбилась въ одного юношу, Руберто, который давно ухаживалъ за ней.

Дама завязала съ нимъ интимныя сношенія и вѣрно не достаточно скрывала ихъ, такъ какъ Арригуччіо, — слышалъ ли онъ что, или самъ догадался, — но бросилъ своя поѣздки и всѣ дѣла и началъ стеречь жену.

Онъ не засыпалъ пока она не ляжетъ въ кровать, что очень печалило даму, такъ какъ она не могла видѣться съ Руберто.

Она долго измышляла способъ видѣться съ нимъ, чего и онъ настоятельно добивался и, наконецъ, придумала слѣдующее:

Такъ какъ комната ея была очень далеко отъ улицы, а Арригуччіо, какъ она замѣтила, не засыпая долго, спалъ потомъ очень крѣпко, она рѣшила, что Руберто долженъ приходиться въ полночь къ двери и она будетъ проводить время съ нимъ, пока мужъ спитъ.

Но, чтобъ она знала о его приходѣ, она придумала класть веревку, которая однимъ концомъ, проходя черезъ окно, спускалась бы на улицу, а другимъ, проходя по полу, подъ одѣяло, прикрѣплялась бы къ пальцу ея ноги. Устроивъ все такимъ образомъ, она дала знать Руберто, приказавъ ему потянуть веревку, когда онъ придетъ; если мужъ спитъ она отпуститъ ее и отопретъ дверь; если онъ не спитъ, она потянетъ веревку къ себѣ, чтобъ онъ не ждалъ.

Этò понравилось Руберто и онъ, входя на свиданіе, иногда видѣлъ ее, а иногда нѣтъ.

Такъ продолжалось пока, однажды, дама заснула, а Арригуччіо, протянувъ ногу, напелъ веревку; взявъ ее въ руку, онъ увидалъ, что она привязана къ ногѣ дамы и подумалъ: тутъ что то кроется; и онъ окончательно въ этомъ убѣдился, увидавъ, что она проходитъ въ окно.

Тогда онъ снялъ ее съ пальца жены, привязалъ къ своему и ждалъ что будетъ.

Руберто не замедилъ явиться и, по обыкновенію, потянувъ веревку, разбудилъ Арригуччіо. Но такъ какъ онъ плохо привязалъ ее, а Руберто потянулъ сильно, она осталась у него въ рукахъ, изъ чего онъ заключилъ, что долженъ остаться, что и сдѣлалъ; а Арригуччіо поспѣшно всталъ, взялъ оружіе и побѣжалъ узнать, кто этотъ такой гость, чтобъ хорошенько наказать его.

Арригуччіо, хоть и купецъ, былъ смѣль и силенъ. Подбѣжавъ къ двери, онъ отворилъ ее не тихонько, какъ дама, и Руберто заподозрилъ истину, то есть, что отперъ Арригуччіо, поэтому онъ захотѣлъ спастись бѣгствомъ, но Арригуччіо пустился за нимъ въ погоню.

Пробѣжавъ довольно много, Руберто, тоже вооруженный, обернулся и одинъ сталъ нападать, другой защищаться.

Дама проснулась, когда Арригуччіо вышелъ изъ комнаты и, не видя веревки на своей ногѣ, поняла, что ея хитрость открыта; догадываясь, что Арригуччіо погнался за Рубертомъ, она быстро встала, обдумывая, что изъ этого выйдетъ.

Она позвала служанку, которая все знала, упростила ее лечь въ кровать на ея мѣсто и терпѣливо вынести брань и побои Арригуччіо, обѣщая щедро вознаградить ее за все.

Потомъ, потушивъ огонь въ комнатѣ, она вышла и спряталась, ожидая что будетъ дальше.

Сосѣди, слыша шумъ борьбы между Арригуччіо и Руберто, встали и начали браниться; поэтому Арригуччіо, боясь быть узнаннымъ, оставилъ юношу, не узнавъ, кто онъ, и не ранивъ его, и вернулся домой злой и возмущенный. Войдя въ комнату, онъ закричалъ:

— Гдѣ ты, преступная жена? Ты погасила огонь, чтобъ я не нашелъ тебя, но ты ошибаешься.

И, подойдя къ кровати, онъ схватилъ служанку, думая, что это его жена, началъ работать руками и ногами и разбилъ ей все лицо; потомъ онъ началъ рвать ей волосы, не переставая бранить какъ самую послѣднюю женщину.

Служанка громко стонала, и кричала даже иногда: «ради Бога! Довольно!»

Но голосъ ея былъ такъ надорванъ, а Арригуччіо пришелъ въ такое бѣшенство, что онъ даже не могъ бы узнать, что это голосъ его жены, или другой женщины? Пока онъ билъ ее чрезмѣрно и дралъ ей волосы, онъ все приговаривалъ:

— Гадкая женщина, я не намѣренъ тебя наказывать, а пойду къ твоимъ братьямъ и расскажу имъ твое поведеніе; пусть они поступаютъ, какъ предписываетъ честь; а потомъ они уведутъ тебя, такъ какъ ты ни въ какомъ случаѣ не останешься въ этомъ домѣ.—Послѣ этого онъ заперъ комнату снаружи и ушелъ.

Монна Спемонда, слышавшая все это, какъ только мужъ ушелъ, отперла комнату, зажгла свѣчу и нашла свою служанку всю избитую. Она утѣшала ее, какъ могла, проводила въ ея комнату, гдѣ потихоньку лѣчила ее и наградила изъ денегъ Арригуччіо такъ, что она осталась вполне довольна. Потомъ она оправила постель, будто никто ея не касался, одѣлась, точно и не ложились, взяла фонарь, сѣла наверху лѣстницы и принялась шить, ожидая, что будетъ дальше.

Арригуччіо, выйдя изъ дома, поспѣшно отправился къ братьямъ своей жены и стучалъ пока ему отворили. Братья дамы, а ихъ было трое и мать, узнавъ, что это Арригуччіо, всѣ встали, велѣли зажечь свѣчи и спросили, куда онъ направляется въ такой поздній часъ и одинъ.

Тогда Арригуччіо рассказалъ имъ все, начиная отъ веревки, привязанной къ ногѣ Монны Спемонды и все послѣдующее; въ доказательство онъ показалъ имъ волосы, вырванные, какъ онъ думалъ, изъ головы жены и просилъ ихъ придти и поступить какъ они найдутъ нужнымъ, такъ какъ онъ не намѣренъ больше держать ее у себя.

Братья, очень разсерженные, повѣривъ всему, приказали зажечь факелы и пошли съ Арригуччіо, твердо рѣшивъ строго наказать сестру. Видя это, мать послѣдовала за ними со слезами, умоляя ихъ не вѣрять этому безъ точныхъ доказательствъ, такъ какъ мужъ могъ разсердиться и побить ее совершенно по другому поводу, а теперь выставлялъ эту причину для собственнаго оправданія: тѣмъ болѣе, что она даже не могла допустить ничего подобнаго, зная хорошо свою дочь, которую воспитывала съ малолѣтства; и многое такое еще говорила она имъ.

Придя въ домъ Арригуччіо, они стали подниматься по лѣстницѣ, а Монна Спемонда, слыша ихъ шаги, спросила:

— Кто идетъ?

— Скоро узнаешь кто, преступная женщина!—отвѣчалъ одинъ изъ братьевъ.

— Что это значить!—проговорила Монна Спемонда.

— Боже помоги намъ!—Потомъ она встала и сказала:

— Мои братья, милости просимъ; но зачѣмъ пришли вы всѣ трое въ такой поздній часъ?

Они же, видя, что она сидитъ за работой, безъ всякихъ слѣдовъ побоевъ на лицѣ, тогда какъ Арригуччіо утверждалъ, что избилъ ее,

очень удивились сначала, потомъ, подавляя гнѣвъ, потребовали отъ нея объясненій, сильно пригрозивъ, если она не скажетъ всю правду. Дама отвѣчала:

— Не знаю, что вамъ сказать и на что могъ жаловаться Арригуччіо.

Онъ смотрѣлъ на нее, какъ ошеломленный, помня, что онъ царапалъ ее, билъ кулакомъ по лицу, а она стояла передъ нимъ точно ничего подобнаго не произошло.

Братья рассказали ей вкраткѣ исторію съ веревкой, побои и все слышанное отъ Арригуччіо. Тогда дама, обращаясь къ нему, сказала:

— Вотъ что я слышу, мужъ мой? Зачѣмъ же ты, къ стыду своему, выдаешь меня за преступную жену, чего нѣтъ, а себя за злого и жестокаго человѣка, чего тоже нѣтъ на самомъ дѣлѣ? Развѣ ты не со мной былъ эту ночь? Когда же ты билъ меня? Я, по крайнѣй мѣрѣ, не помню этого.

— Какъ, мерзкая женщина, — вскричалъ Арригуччіо, — развѣ мы не вмѣстѣ были въ постели? Развѣ я не вернулся сюда, побѣжавъ въ погоню за твоимъ любовникомъ? Развѣ я на билъ тебя и не дралъ за волосы?

А дама отвѣчала:

— Ты не хочешь здѣсь эту ночь, но оставимъ это, такъ какъ у меня нѣтъ доказательствъ, кромѣ моихъ словъ, а поговоримъ о побояхъ. Ты никогда не билъ меня и пусть все здѣсь присутствующе и ты самъ укажутъ мнѣ на какіе-нибудь слѣды побоевъ! И я не совѣтовала бы тебѣ осмѣлиться поднять руку на меня, а то — видитъ Богъ — ты и самъ не обрадуешься. Ты также не рвалъ мнѣ волосы, по крайнѣй мѣрѣ, я не видала и не чувствовала этого; но, можетъ быть, я не замѣтила, посмотримъ. И, снявъ покрывало съ головы, она показала свои волосы гладкіе и цѣльные.

Видя это, братья и мать накинулись на Арригуччіо:

— Что же это значить, Арригуччіо? Ты совсѣмъ не то рассказывалъ намъ и какъ же ты докажешь остальное. — Онъ стоялъ какъ во снѣ, понимая, что не можетъ доказать неопровержимое, и не смѣлъ сказать ни слова. Тогда дама обратилась къ своимъ братьямъ:

— Братья, онъ добился того, чего я никогда не дѣлала, то есть, чтобъ я рассказала вамъ про его злобу и пороки. Я твердо вѣрю, что онъ сдѣлалъ все, что вамъ сказалъ и вотъ какъ это произошло:

— Этотъ господинъ, за котораго вы выдали меня на несчастье, который считаетъ себя именитымъ кушомъ, онъ долженъ бы быть воздержаннѣе монаха и чище дѣвушки, а вмѣсто того, онъ рѣдкій вечеръ не напивается въ трактирахъ и не таскается къ самымъ дурнымъ женщинамъ; а я должна ждать его до полночи, а иногда и до утра, какъ вы сейчасъ меня застали. Я увѣрена, что будучи пьянъ, онъ пошелъ спать съ одной изъ этихъ несчастныхъ, а проснувшись, нашель веревку на ея ногѣ и избилъ ее и дралъ за волосы, какъ онъ говоритъ; но, такъ какъ онъ еще не совсѣмъ протрезвился, онъ думалъ и убѣжденъ даже теперь, что продѣлалъ все это со мной.

Посмотрите на него хорошенько, онъ и сейчасъ еще на половину пьянъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы онъ не наговорилъ на меня, такъ какъ онъ не въ своемъ умѣ, я прощаю ему и хочу, чтобъ и вы простили.

Но тутъ мать начала кричать:

— Этого не слѣдовало бы такъ оставлять, дочь моя; надо бы убить его, какъ собаку злую и неблагодарную, онъ не стоитъ такой жены

какъ ты. Скажите пожалуйста! Точно онъ тебя изъ грязи вытащилъ. Да, какъ смѣетъ этотъ торгашъ взводить на тебя такія обвинения! Они всё приходятъ изъ деревни нищими, а какъ наживутъ грошъ, такъ давайте имъ въ жены дочерей вельможъ и дворянъ; заведутъ себѣ гербы и говорятъ: я изъ такого то рода! Мои предки сдѣлали то-то и то-то!

Какъ я жалю, что сыновья послушались моихъ совѣтовъ; не могли бы выдать тебя съ маленькимъ приданымъ въ семью графовъ Гвиди. Вотъ какую радость они тебѣ доставили! Ты самая красивая и честная дѣвушка Флоренци, а твой мужъ не постыдился прибѣжать въ полночь объявить, что ты развратница, точно мы тебя не знаемъ. Я задала бы ему такую трепку, что онъ бы долго не опомнился.

И, обращаясь къ своимъ сыновьямъ, она продолжала:

— Говорила я вамъ, что этого быть не можетъ. Слышали вы, какъ вашъ милый зять обращается съ вашей сестрой?

Ничтожный торгашъ! Еслибъ я была на вашемъ мѣстѣ, послѣ всего, что онъ про нее говорилъ и всего, что онъ дѣлалъ, я не успокоилась бы пока онъ живетъ на свѣтѣ; и еслибъ я была мужчина, я никому не уступила бы удовольствіе убить его! Боже праведный! Накажи этого пьяницу безъ стыда и совѣсти!

Молодые люди, слыша все это, обратились къ Арригуччіо, осыпали его самыми ужасными ругательствами и сказали, наконецъ:

— Мы прощаемъ тебѣ на этотъ разъ, какъ пьяницѣ, но берегись, если мы еще услышимъ что-нибудь подобное, ты поплатишься за все сразу.

Сказавъ это они ушли.

Арригуччіо остался какъ ошеломленный, даже самъ не зная, было ли все это во снѣ, или на яву; онъ больше ничего не сказалъ и оставилъ жену въ покоѣ. Она же, благодаря своей предусмотрительности, не только предотвратила опасность, но обезпечила себѣ удовольствіе на будущее время, нисколько не боясь мужа.

Новелла IX.

Волшебное грушевое дерево.

Лидія, жена Никострато, любитъ Пирруса. Чтобы повѣрить ея любви онъ требуетъ исполненія трехъ желаній, которыя она исполняетъ; затѣмъ она любезничаешь съ нимъ въ присутствіи Никострато и убѣждаетъ, его что это неправда.

Разсказъ Неифиле показался такимъ забавнымъ, что дамы смѣялись и говорили о немъ, хотя король не разъ призывалъ ихъ къ молчанію и велѣлъ Памфило продолжать.

Когда онъ смолкли, Памфило началъ такъ:

Я думаю, уважаемыя дамы, что на свѣтѣ нѣтъ ничего такого важнаго и смѣлаго, чего не сдѣлала бы истинная любовь. Это было уже доказано многими разсказами, но я хочу еще подтвердить это примѣромъ одной дамы, которой особенно посчастливилось, хотя она и была очень неосторожна, но я не посоветую ни одной изъ васъ слѣдовать ея примѣру, такъ какъ судьба не всегда одинаково покровительствуетъ всѣмъ, и не всѣ мужчины на свѣтѣ одинаково глупы.

Въ Аргосѣ, очень древнемъ городѣ Ахай, котораго прежніе короли больше прославили, чѣмъ увеличили, жилъ когда то вельможа, по имени Никострато; онъ былъ уже близокъ къ старости, когда фортуна послала ему въ жены благородную даму, столь же красивую какъ и пылкую, которую звали Лидія.

Онъ былъ богатъ, знатенъ, держалъ многочисленныхъ слугъ, собакъ, птицъ и страшно любилъ охоту.

Въ числѣ его слугъ былъ молодой человекъ, стройный, изящный, красивый, умѣлый во всѣхъ дѣлахъ, по имени Пиррусъ. Никострато любилъ его больше всѣхъ и питалъ къ нему неограниченное довѣріе. Лидія влюбилась въ него и такъ сильно, что ни днемъ, ни ночью не

могла ни о чемъ другомъ думать. Но Пиррусь или не замѣчалъ эту любовь, или пренебрегалъ ею; во всякомъ случаѣ онъ не обращалъ никакого вниманія на даму, что причиняло ей великое горе.

Рѣшивъ открыть ему свою страсть, она позвала свою довѣренную служанку Луску и сказала ей:

— Луска, мои благодаренія должны внушить тебѣ послушаніе и преданность, поэтому не говори никому, что я тебѣ сейчасъ скажу, кромѣ того, кому я прикажу это передать. Какъ ты знаешь, Луска, я богата, красива, молода и имѣю въ изобиліи все, чего можно желать; на одно только я могу пожаловаться, что мужу моему слишкомъ много лѣтъ въ сравненіи со мною, а поэтому я лишена того, что больше всего любятъ женщины.

Такъ какъ я желаю любить, какъ и всѣ женщины, то и рѣшила давно, если судьба была для меня мачихой и послала мнѣ такого стараго мужа, не быть врагомъ самой себѣ и найти способъ удовлетворить мои стремленія. Чтобъ вполне наслаждаться этими удовольствіями, я избрала—нашего Пирруса, какъ болѣе всѣхъ другихъ достойнаго, и рѣшила найти утѣшеніе въ его объятіяхъ; я такъ люблю его, что только тогда счастлива, когда вижу его или думаю о немъ: однимъ словомъ, если у меня не будетъ въ скоромъ времени свиданія съ нимъ, мнѣ кажется, что я умру. Если моя жизнь дорога тебѣ, открой ему мою любовь и попроси его согласиться придти ко мнѣ, когда я пошлю тебя за нимъ.

Служанка сказала что охотно это исполнить, и улучивъ удобное время и мѣсто, отвела Пирруса въ сторону и постаралась какъ можно лучше исполнить порученіе.

Услыша это, Пиррусь крайне удивился, какъ человекъ ничего не подозрѣвавшій, и побоялся, что дамы желаютъ просто испытать его, поэтому сейчасъ же отвѣтилъ очень рѣзко:

— Луска, я не могу вѣрить, чтобъ это были слова моей госпожи, а потому думай о томъ, что говоришь; если же это ея слова, то я не вѣрю, что они искренны; если же они искренни, то такъ какъ мой хозяинъ любить меня больше, чѣмъ я заслуживаю, я ни за что на свѣтѣ не нанесу ему такого оскорбленія; поэтому не завди больше никогда со мной подобныхъ рѣчей.

Луска, ни мало не смутясь его отказомъ, сказала:

— Пиррусь, я буду тебѣ говорить объ этомъ и обо всемъ, чего пожелаетъ моя госпожа всегда, когда она прикажетъ, нравится это тебѣ, или нѣтъ, но ты дуракъ.

И, разсерженная словами Пирруса, она пошла къ своей госпожѣ, которая, узнавъ это, захотѣла умереть отъ горя. Но черезъ нѣсколько дней, она опять позвала служанку и сказала:

— Луска, ты знаешь, что дубъ однимъ ударомъ не свалишь, поэтому тебѣ надо опять пойти къ тому, который меня отвергаетъ, и объ-

яснить ему мою любовь; ты должна устроить это дѣло, иначе я умру, и онъ подумаетъ, что я насмѣялась надъ нимъ, и тогда, вмѣсто любви, которой я добивалась, я достигну только его ненависти.

Служанка успокоила даму, отправилась искать Пирруса и, найдя его радостнымъ и веселымъ, сказала ему:

— Пиррусъ, я говорила тебѣ на-дняхъ, какой страстной любовью пылаешь къ тебѣ наша госпожа, и повторяю это опять теперь; если ты будешь упорствовать, будь увѣренъ, что она не долго проживетъ, поэтому прошу тебя, согласишься исполнить ея желаніе; я считала тебя очень умнымъ, по счету дуракомъ, если ты будешь упрямиться. Развѣ ты можешь ждать большаго счастья, какъ любовь такой знатной, молодой и красивой дамы?

Кромѣ того, подумай, какъ судьба благоприятствуетъ тебѣ, предоставляя такое удовлетвореніе твоей молодости и твоимъ потребностямъ. Кто же, въ твоемъ положеніи, можетъ получить такое благо, какъ ты, если будешь ловокъ и уменъ?

Ни у кого не будетъ столько оружія, лошадей, одежды и денегъ, какъ у тебя, если ты согласишься полюбить нашу госпожу; послушайся меня и одумайся; помни, что только одинъ единственный разъ въ жизни судьба приходитъ къ намъ съ улыбкой и распростертыми объятіями; кто не съумѣетъ принять ее, а потомъ окажется жалкимъ и бѣднымъ, тотъ долженъ сѣтовать на себя, а не на нее.

Кромѣ того, не можетъ быть честность между слугами и господами такая же какъ между друзьями и родственниками; наоборотъ, слуги должны стараться также поступать съ господами, какъ господа съ ними.

Что ты думаешь, будь у тебя жена, мать, дочь или сестра, которая понравилась бы Никострато, развѣ онъ сталъ бы соблюдать относительно тебя то благородство, котораго ты хочешь держаться по отношенію къ его женѣ; будь увѣренъ, что еслибъ ни обѣщанія, ни мольбы не дѣйствовали, онъ пустилъ бы въ ходъ и силу, не заботясь и не думая о тебѣ. Значитъ и намъ слѣдуетъ дѣйствовать съ ними и ихъ добромъ; какъ они поступаютъ съ нами и нашимъ добромъ.

Воспользуйся благами судьбы и не отталкивай ихъ; прими даръ, который представляется тебѣ, а то, не говоря уже, что твоя госпожа умретъ, ты такъ будешь раскаиваться, что самъ готовъ будешь умереть.

Пиррусъ, уже не разъ думавшій о словахъ Луски, давно рѣшилъ, если она заговоритъ опять, дать совершенно другой отвѣтъ и согласиться на всѣ желанія дамы, лишь бы быть увѣреннымъ, что она не испытываетъ его; поэтому онъ отвѣтилъ:

— Видишь ли, Луска, я признаю правильнымъ все, что ты говоришь, но знаю также, что мой господинъ очень уменъ и хитеръ. Такъ какъ онъ довѣрилъ мнѣ всѣ свои дѣла, я очень боюсь, что Лидія дѣйствуетъ такъ по его совѣту и приказанію, чтобъ испытать меня; поэтому,

если она хочет исполнить три вещи, чтобъ разъяснить мои сомнѣнія, я сдѣлаю потомъ все, что она потребуеть.

Вотъ эти вещи: во-первыхъ, она должна, въ присутствіи самаго Никострато, убить его любимаго ястреба; потомъ — прислать мнѣ клочъ бороды Никострато и, наконецъ, — его зубъ и даже одинъ изъ лучшихъ.

Это показалось труднымъ Лускѣ и очень труднымъ Лидіи; но Амуръ подрѣзываетъ сердца и даетъ умные совѣту, поэтому она рѣшила попробовать и велѣла сказать Пиррусу черезъ служанку, что скоро исполнить его требованія; кромѣ того, такъ какъ онъ считалъ Никострато такимъ хитрымъ, она велѣла передать, что покажетъ ему свою любовь въ присутствіи самаго Никострато и убѣдить его, что этого никогда не было.

И Пиррусъ сталъ ждать, что сдѣлаетъ дама.

Черезъ нѣсколько дней Никострато давалъ большой обѣдъ своимъ друзьямъ, какъ онъ часто дѣлалъ; столы были уже убраны, когда Лидя очень нарядная, вышла изъ своей комнаты и прошла въ залъ, гдѣ сидѣли гости.

Тутъ, видя Пирруса и другихъ, она прямо направилась къ любимому ястребу Никострато, отвязала его, точно желая взять на руки, схватила за крылья, бросила объ стѣну и убила.

Никострато закричалъ:

— Лидя! что ты сдѣлала?

Но она ничего ему не отвѣтила, обратилась къ гостямъ и сказала:

— Господа, мнѣ трудно было бы отомстить за оскорбленіе мужу, еслибъ я не посмѣла отомстить ястребу. Вы должны знать, что эта птица отнимала у меня все время, которое мужья должны посвящать женамъ, такъ какъ Никострато встаетъ на разсвѣтъ, садится на лошадь, беретъ своего ястреба и ѣдетъ пускать его въ поле, а я остаюсь въ постели одна, недовольная. Поэтому я убила ястреба теперь, въ вашемъ присутствіи, и надѣюсь, что вы будете вѣрными судьями моего недовольства мужу.

Вельможи, слушавшіе эти слова и думая, что они доказываютъ ея любовь къ Никострато, всѣ, смѣясь, обратились къ нему, очень разсерженному, и сказали:

— Синьора хорошо сдѣлала, отомстивъ за свое оскорбленіе смертью ястреба!

Дама вернулась въ свою комнату, а они, своими замѣчаніями, обратили въ веселость гнѣвъ Никострато.

Видя это, Пиррусъ подумалъ:

— Она положила хорошее начало моей любви; дай Богъ, чтобъ такъ продолжалось.

Черезъ нѣсколько дней послѣ убійства ястреба, дама, будучи въ своей спальнѣ съ Никострато, ласкалась къ нему, а онъ, шутя, дергалъ ее за волосы, тогда она воспользовалась этимъ, чтобъ исполнить второе условіе Пирруса: она ухватила клокъ бороды мужа и, весело смѣясь, такъ сильно дернула, что вырвала его. Никострато началъ жаловаться на боль, а она сказала:

— Чего ты сердиться, что я вырвала нѣсколько волосъ изъ твоей бороды? Вѣдь ты не знаешь, что я чувствовала, когда ты дергалъ меня за волосы? И, продолжая шутить, она незамѣтно спрятала его волосы и послала ихъ въ тотъ же день своему милому.

Третье условіе еще больше поставило ее втупикъ, но она была очень изобрѣтательна, Амуръ же еще изобрѣтательнѣе ее, и она придумала, какъ это устроить.

У Никострато было два мальчика, отданные на его попеченіе от-

цомъ, чтобъ они, какъ подобаесть дѣтямъ вельможи, научились подходящимъ манерамъ и обращенію.

Эти мальчики, когда Никострато обѣдалъ, служили ему; одинъ разрѣзалъ кушанья, другой подавалъ пить.

Дама позвала ихъ, убѣдила, что у нихъ дурной запахъ изо-рта и посоветовала, когда они будутъ прислуживать Никострато, откидывать голову назадъ, а главное никому ни слова не говорить объ этомъ.

Мальчики повѣрили, поступали по ея указаніямъ.

И она, однажды, спросила Никострато:

— Замѣтилъ ты, какъ держать себя эти мальчики, когда слу-
жать тебѣ?

— Да, я даже хотѣлъ ихъ спросить, отчего это происходитъ?

На это дама сказала:

— Не спрашивай, я лучше сама тебѣ скажу; я долго скрывала это, чтобъ не огорчать тебя, но теперь, когда это замѣчаютъ другіе, я должна сказать. Дѣло въ томъ, что у тебя дурно пахнетъ изо-рта и не понимаю почему, такъ какъ прежде этого не было. Это очень неприятно, тѣмъ болѣе, что ты все возвращаешься въ кругу вельможъ и надо это устранишь.

Тогда Никострато сказалъ:

— Чтобы это могло значить? Нѣтъ ли у меня испорченнаго зуба?

— Весьма возможно, — отвѣчала Лидія, подвела его къ окну, заставила раскрыть ротъ и осматрѣвъ воскликнула:

— О! Никострато, какъ ты могъ выносить это такъ долго? У тебя, съ этой стороны, не только испорченный, но и поломанный зубъ; если его оставить, онъ испортитъ все остальные; совѣтую тебѣ какъ можно скорѣе его вырвать.

— Ну чтожь, я согласенъ, — сказалъ Никострато, — пошли немедля за лѣкаремъ, пусть вырветъ.

— Упаси Боже звать лѣкаря для этого, — возразила дама; — зубъ такъ слабъ, что я сама вырву его тебѣ. Кромѣ того, эти лѣкаря такъ жестоки въ подобныхъ случаяхъ, что я не хочу отдавать тебя имъ въ руки. Я все сдѣлаю сама и сейчасъ же отпущу, если тебѣ будетъ очень больно.

Она велѣла принести щипцы, высела всѣхъ изъ комнаты, кромѣ Луски, усадила Никострато и изо всей силы выдернула ему совершенно здоровый зубъ, пока служанка крѣпко держала его голову, хотя онъ очень кричалъ отъ боли.

Лидія спрятала зубъ и показала испорченный, заранѣе приготовленный мужу, чуть живому отъ боли, говоря:

— Смотри, что было у тебя во-рту.

Никострато, видя зубъ, хоть и страдалъ ужасно, вообразилъ себя излѣченнымъ какъ только выдернули зубъ и, когда боль утихла, вышелъ изъ комнаты.

Дама взяла зубъ и немедленно послала его своему возлюбленному, который, вполне убѣжденный въ ея любви, объявилъ, что согласенъ исполнить ея желаніе.

Но дама, желая еще больше убѣдить его въ своей любви и думая, вѣроятно, что еще долго не соединится съ нимъ, захотѣла сдержать и послѣднее свое обѣщаніе. Она притворилась больной и когда Никострато навѣстилъ ее послѣ обѣда, она, видя что никого нѣтъ кромѣ Пирруса, попросила ихъ помочь ей, дойти въ садъ, чтобъ развлечься.

Никострато и Пиррусъ взяли ее и снесли на лужайку подъ большое грушевое дерево.

Дама съѣла, а черезъ нѣсколько минутъ сказала уже предупрежденному Пиррусу:

— Пиррусъ! Мнѣ очень хочется грушъ: влѣзь на дерево и брось намъ нѣсколько штукъ.

Пиррусъ влѣзь, началъ кидать груши и вдругъ сказалъ:

— Господинъ, что вы дѣлаете? А вамъ, сударыня, какъ не стыдно позволять это въ моемъ присутствіи? Неужели вы думаете, что я слѣпъ? Вы были такъ больны недавно, неужели вы ужъ выздоровѣли, что занимаетесь подобными вещами. А ужъ если хотите, то вѣдь много коммандовать къ вашимъ услугамъ: приличіе пойти туда, чѣмъ дѣлать это при мнѣ.

Дама, обращаясь къ мужу, спросила:

— Что говорить Пиррусь? Не сошелъ ли онъ съума?

А Пиррусь продолжалъ:

— Нѣтъ, я съума не сошелъ: неужели, вы думаете, что я васъ не вижу?

Никостратъ очень удивился и сказалъ:

— Пиррусь, я, право, думаю, что ты бредишь.

На что Пиррусь отвѣчалъ:

— Нѣтъ, господинъ, я не брежу, да и вы не бредите: напротивъ, вы такъ встряхиваетесь, что еслибъ это дерево такъ встряхивалось, на немъ не осталось бы ни одной груши.

Тогда дама сказала:

— Что бы это значило? Неужели ему представляется то, что онъ говорить? Господи, еслибъ я была здорова какъ прежде, я немедленно влѣзла бы на дерево, чтобъ увидать, какія странныя вещи ему представляются.

А Пиррусь, сидя на деревѣ, все продолжалъ говорить то же самое, поэтому Никострато сказалъ ему:

— Слѣзай! и Пиррусь слѣзъ.

Тогда онъ спросилъ его:

— Что тебѣ представлялось?

Пиррусь сказалъ:

— Я думаю, что вы приняли меня за безумнаго или спящаго. Я видѣлъ, что вы обнимались, ужъ если хотите знать; а пока я спускался, я видѣлъ, что вы поднялись и сѣли какъ теперь сидите.

— Неужели ты до такой степени обезумѣлъ?—спросилъ Никострато.—Пока ты сидѣлъ на деревѣ, мы не двинулись и все время были, какъ теперь, на томъ же мѣстѣ.

На это Пиррусь возразилъ:

— О чемъ мы споримъ? Я васъ видѣлъ, и въ сущности говоря вѣдь это ваше дѣло и ваша собственность.

Никострато, все болѣе удивленный, сказалъ, наконецъ:

— Сейчасъ посмотрю, заколдовано ли это дерево и видны ли съ него тѣ чудеса, о которыхъ ты говоришь.

Онъ влѣзъ на дерево и едва взобрался, какъ дама и Пиррусь начали обниматься, а Никострато закричалъ:

— А! преступная женщина, что ты тамъ дѣлаешь? И ты, Пиррусь, которому я такъ безгранично вѣрилъ?!—И онъ поспѣшно сталъ слѣзать съ дерева.

Дама и Пиррусь сказали:

— Сядемъ на мѣсто,—и, видя, что онъ спускается, они сѣли въ прежнемъ положеніи.

Когда Никострато спустился на землю и увидалъ ихъ сидящими попрежнему, онъ началъ браниться, а Пиррусь сказалъ:

— Никострато, теперь я признаю, что, какъ вы говорили раньше, я не то видѣлъ, сидя на деревѣ: это доказывается тѣмъ, что и вы видѣли то, чего не было. А что я говорю правду, вы можете заключить уже изъ того, что ваша жена, самая честная и скромная женщина въ мірѣ, еслибъ хотѣла нанести вамъ подобное оскорбленіе, то, конечно, не сдѣлала бы этого при васъ. Я уже не говорю о себѣ, но я скорѣе пошелъ на смерть, чѣмъ подумать объ этомъ, а не то, что сдѣлать это въ вашемъ присутствіи. Значитъ, само дерево производить этотъ обманъ зрѣнія; никто на свѣтѣ не разубѣдилъ бы меня, что вы предавались здѣсь съ женой любви, еслибъ и вамъ не показалась, что я дѣлалъ то, о чемъ даже и не помышлялъ.

Послѣ этихъ его словъ, дама встала очень разсерженная и сказала:

— Горе тебѣ, если ты счелъ меня такой глупой, что я, желая предаваться такимъ низкимъ удовольствіямъ, стала бы это дѣлать при тебѣ. Будь увѣренъ, еслибъ у меня было подобное желаніе, я не пришла бы сюда, а сумѣла бы запереться въ одной изъ нашихъ комнатъ, чтобъ ты никогда этого не узналъ.

Никострато, находя, что ихъ слова правдивы, такъ какъ они не рѣшились бы на такой поступокъ при немъ, пересталъ браниться, а заговорилъ о новизнѣ явленія, совершенно извращающемъ положенія для сидящихъ на деревѣ.

Но дама, все еще разгнѣванная мнѣніемъ, хотя бы минутнымъ, объ ней Никострато, сказала:

— Это дерево не должно больше причинять такого стыда ни мнѣ, ни какой другой женщинѣ, поэтому, Пиррусь, возьми топоръ и сразу отомсти за себя и за меня, хотя, можетъ быть, лучше было бы хватить по головѣ Никострато за его духовное ослѣпленіе: чтобы ни показалось твоимъ тѣлеснымъ глазамъ, ты не имѣлъ права повѣрить этому разумомъ.

Пиррусь быстро сходилъ за топоромъ и свалилъ дерево. Когда оно унало на землю, дама сказала Никострато:

— Моя злоба прошла, разъ что уничтоженъ врагъ моей чести.

И она великодушно простила Никострато съ условіемъ никогда не подозрѣвать ее, любившую его больше, чѣмъ самое себя.

Послѣ этого несчастный, осмѣянный мужъ вернулся съ ней и съ ея любовникомъ во дворецъ, гдѣ съ этого дня Пиррусь и Лидія свободно наслаждались взаимной любовью.

Дай Богъ и намъ того же!

Новелла X.

Призракъ.

Два лица любятъ даму, куму одного изъ нихъ. Кумъ умираетъ, приходитъ къ своему другу, согласно данному обѣщанію, и рассказываетъ, что дѣлается на томъ свѣтѣ.

Разсказъ остался только за королемъ.

Когда онъ увидать, что дамы, очень огорченныя уничтоженіемъ грушеваго дерева, немножко утомились, онъ началъ:

Волюгѣ очевидно, что каждый справедливый король долженъ быть первымъ слугою имъ же поставленныхъ законовъ; если онъ поступаетъ иначе, на него надо смотрѣть какъ на раба, достойнаго наказанія, а не какъ на короля. Тѣмъ не менѣе я, вашъ король, долженъ впасть почти въ такую ошибку и подвергнуться такому замѣчанію. Правда, что вчера, провозглашая тему нашихъ сегодняшнихъ разсказовъ, я имѣлъ намѣреніе не пользоваться своимъ преимуществомъ и подчиниться, какъ и вы всѣ, назначенной темѣ; но говорилось не только то, что я самъ хотѣлъ сказать, а такъ много и такъ интересно, что, сколько я не призываю на помощь мою память, я не нахожу ничего, что могло бы сравниться съ уже сказаннымъ. Поэтому, принужденный нарушить мною же изданный законъ, и заслуживая наказаніе, я заранѣе подчиняюсь ему и пользуюсь своимъ обычнымъ преимуществомъ. Разсказъ Элизы о кумѣ и глупость сѣнцевъ такъ интересны, милыя дамы, что я хочу — оставляя въ сторонѣ обману глупыхъ мужей хитрыми женами — разсказать вамъ тоже о сѣнцахъ; въ этомъ разсказѣ многому нельзя вѣрить, но тѣмъ не менѣе, онъ позабавитъ васъ.

Итакъ, въ Сиеннѣ жили когда то двое молодыхъ людей изъ народа. Одного звали Тингоччіо Мини, другого Меччіо ди Тура.

Они жили у воротъ Салайа, почти всегда были вмѣстѣ и, по видимому, очень любили другъ друга. Часто бывая въ церкви на пропо-

вѣдяхъ, они не разъ слышали о славі и горѣ, которыя даются душамъ умершихъ, смотря по ихъ заслугамъ.

Желая имѣть точныя свѣдѣнія объ этомъ и не зная, какъ ихъ получить, они общались другъ другу, что первый умершій придетъ, если возможно, къ оставшемуся въ живыхъ и сообщить ему все, что онъ желаетъ знать. И они подтвердили свое обѣщаніе клятвой.

Послѣ этого обѣщанія они продолжали жить въ тѣсной дружбѣ, когда случилось, что Тингоччіо сдѣлался кумомъ нѣкоего Амдруджіо Ансельмини, жившаго въ Кампореджи и имѣвшаго сына отъ жены своей Моны Миты.

Тингоччіо, навѣщая иногда вмѣстѣ съ Меччіо свою куму, очень красивую и привлекательную женщину, влюбился въ нее, несмотря на кумовство; и Меччіо влюбился въ нее, потому ли, что она тоже ему нравилась, или потому, что Тингоччіо очень расхваливалъ ее.

Они, конечно, не признавались другъ другу въ своей любви, но разными соображеніямъ:

Тингоччіо не признавался потому, что считалъ грѣхомъ — любить свою куму и ни за что никому не сознался бы въ этомъ, а Меччіо скрывалъ свою любовь такъ какъ замѣтилъ, что дама нравится Тингоччіо.

Онъ думалъ такъ:

— Если я открою ему мою любовь, онъ будетъ ревновать меня; а такъ какъ онъ можетъ въ качествѣ кума свободно видѣться съ ней, онъ наговоритъ на меня всего дурного и я никогда не добьюсь отъ нея чего желаю.

Такимъ образомъ, молодые люди были оба влюблены, а такъ какъ Тингоччіо было удобнѣе выражать свое желаніе, онъ скоро добился чего хотѣлъ; Меччіо это замѣтилъ и хоть это сильно ему не нравилось, онъ виду не подалъ Тингоччіо, что знаетъ его дѣла, чтобы не дать ему повода помѣшать его намѣреніямъ.

Друзья любили, одинъ счастливо, другой неудачно, наконецъ Тингоччіо случайно заболѣлъ и умеръ.

Три дня послѣ своей смерти — раньше, вѣрно, нельзя было — онъ пришелъ ночью, согласно обѣщанію, въ комнату Меччіо, очень крѣпко спавшаго, и окликнулъ его.

Меччіо, проснувшись, спросилъ:

— Кто ты?

На что тотъ отвѣтилъ:

— Я Тингоччіо; согласно обѣщанію, я принесъ тебѣ новости съ того свѣта.

Меччіо сначала немножко испугался, но потомъ успокоился и сказалъ:

— Добро пожаловать, братъ; а потомъ спросилъ его, погибъ ли онъ? На что Тингоччіо отвѣтилъ:

— Погибло то, что не найдется, а как же я был бы здесь, если бы погиб?

— Э! не в этом дело! Я спрашиваю, где ты, в гееннѣ ли огненной, съ погибшими душами?

— Нѣтъ, но я за свои грѣхи въ тоскѣ и великомъ мученіи.

Меччіо сталъ подробно разспрашивать—какое полагается наказаніе за каждый грѣхъ—и Тингоччіо все рассказалъ ему; потомъ онъ спросилъ, не надо ли что-нибудь сдѣлать для него на землѣ.

Тингоччіо сказалъ, что надо молиться, служить обѣдни и раздавать милостыни, такъ какъ все это очень помогаетъ душамъ.

Меччіо охотно обѣщалъ это сдѣлать, а когда Тингоччіо хотѣлъ уже уходить, онъ вспомнилъ о кумѣ, опять поднялъ голову и спросилъ:

— Да, кстати, Тингоччіо, я еще вспомнилъ: а за куму, съ которой ты жилъ на землѣ, какое наложили на тебя наказаніе?

А Тингоччіо отвѣчалъ:

— Братъ мой, когда я явился туда, я встрѣтилъ кого то, кто зналъ, кажется, все мои грѣхи наизусть, и онъ послалъ меня оплакивать ихъ въ большихъ мученіяхъ; тамъ я встрѣтилъ многочисленныхъ товарищей, присужденныхъ къ тому же самому; когда я стоялъ тамъ и вспоминалъ, что я дѣлалъ съ кумой, ожидая за это еще большаго наказанія, я весь дрожалъ отъ страха, хотя былъ въ большомъ, пылающемъ огнѣ.

— Тутъ кто-то спросилъ меня:

— Что же ты согрѣшилъ больше другихъ, что дрожишь въ огнѣ?

— О, другъ! я боюсь суда за большой грѣхъ!

Онъ спросилъ,—за какой грѣхъ,—и я сказалъ ему:

— Я жилъ со своей кумой.

А онъ отвѣчалъ мнѣ, смѣясь:

— Полно, дуракъ, не бойся; здесь за кумовство не взыскиваютъ!

Тогда я совершенно успокоился.—Такъ какъ уже близилось къ разсвѣту Тингоччіо прибавилъ:

— Прощай, Меччіо, я не могу больше оставаться съ тобой.—И онъ сразу исчезъ.

Меччіо, узнавъ, что за куму не придется отвѣчать, сталъ смѣяться надъ собой, такъ какъ онъ уже нѣсколькихъ упустилъ. Разсѣявъ, такимъ образомъ, свое невѣжество, онъ сталъ даже очень опытенъ въ этомъ отношеніи. Если бы братъ Рено зналъ столько же, ему потребовалось бы меньше краснорѣчія, чтобъ склонить свою милую куму.

Зефиръ уже всталъ, солнце склонялось къ закату, когда король, окончивъ разсказъ, снялъ корону, надѣлъ ее на голову Лауретты и сказалъ:

— Провозглашаю васъ королевой нашего общества: теперь вы будете рѣшать что, по вашему мнѣнію, должно намъ всемъ доставить удовольствіе.

И онъ сѣлъ на свое мѣсто.

Лауретта, сдѣлавшись королевой, позвала сенешала и велѣла ему приготовить столы въ прелестной аллеѣ немножко раньше обыкновеннаго, чтобы успѣть, не торопясь, вернуться во дворецъ: она объяснила ему также его обязанности на все время ея власти, потомъ, обратясь къ обществу, сказала:

— Діонео хотѣлъ вчера, чтобы рассказывали, какъ жены обманываютъ мужей; если бы я не боялась показаться злой собаченкой, которая сейчасъ же огрызается, я предложила бы рассказывать завтра о томъ, какъ мужья обманываютъ женъ. Поэтому я предлагаю завтра говорить о постоянныхъ, взаимныхъ обманахъ мужчинъ и женщинъ и думаю, что эти рассказы будутъ также веселы и забавны какъ сегодняшніе. Послѣ этого она встала и дала свободу обществу до ужина.

Дамы поднялись и мужчины тоже, нѣкоторые, снявъ обувь, вошли въ прозрачную воду, другіе пошли гулять среди чудныхъ деревьевъ, раскинутыхъ по лужайкамъ.

Діонео и Фіамметта сѣли большой дуэтъ изъ Арента и Палемана и всѣ по своему, съ величайшимъ удовольствіемъ провели время до ужина.

Потомъ сѣли за столъ на берегу маленькаго озера и при пѣніи птицъ, при легкомъ дуновеніи вѣтерка съ сосѣднихъ холмовъ, совсѣмъ не обезпокоенные мухами, они весело и спокойно поужинали. Когда убрали столы и солнце стояло еще высоко на небѣ, они прошли по чудной долині и, по желанію королевы, къ вечеру вернулись во дворецъ, болтая о сегодняшнихъ разсказахъ и о многомъ другомъ. Освѣжившись послѣ пути тонкими винами и конфектами, они стали танцовать вокругъ фонтана подъ звуки волюнки Тиндаро и другихъ инструментовъ. Наконецъ королева приказала Филоменѣ сѣсть пѣсно, и она начала такъ:

Изгнанница безжалостной судьбы,
Вернусь ли я когда-нибудь туда,
Откуда злой амуръ меня послалъ въ изгнанье,
Закрывши предо мною двери рая.

* * *

Увы, какъ знать? Но каждое мгновенье
Стремлюсь туда истерзанной душой;
И сердце шепчетъ мнѣ: вернись!
Быть можетъ прошлое опять проснется.

* * *

О, другъ мой нѣжный, единая отрада,
Твоя любовь была мнѣ яркимъ свѣтомъ;
Услышь моленья истерзаннаго сердца
И душу мнѣ согрѣй ласкающимъ привѣтомъ.

* * *

Кого же мнѣ просить, куда идти...
 Въ тебѣ одномъ осталася надежда.
 Не отнимай послѣдній лучъ ея,
 Тогда воспрянетъ вновь душа моя.

° °

Не вѣдаю, какія чувства
 Зажгли въ душѣ моей огонь,
 Но онъ пылаетъ днемъ и ночью темной,
 И нѣтъ успокоенія ни на мигъ.

° * *

Все шепчетъ лишь о прошломъ,
 Одною памятью минувшаго живу;
 И меркнетъ умъ, охваченный невѣдомою тайной.
 И нѣкуда спастись: кошмаръ бѣжить за мной.

* * *

Лишь ты—кумиръ счастливыхъ дней,
 Вновь указать бы могъ
 Заглохшій путь къ блаженству;
 Скажи же, сбудутся-ль мои мечтанья?

* * *

Сойдемся ли снова тамъ,
 Гдѣ такъ тебя безумно цѣловала?
 Увижу-ль очи чудныя я тѣ,
 Въ которыхъ въ упоеньи утопала?

* * *

Ты—жизнь моя, мой адъ, мой рай,
 Увидимся ли мы когда-нибудь опять?
 Отвѣта съ трепетомъ я жду,
 Въ немъ жду иль бездну мукъ, иль счастье бытія.

* * *

О, если бы могла я съ этого момента,
 До дня желаннаго свиданія съ тобой,
 Уснуть безъ сновидѣній,
 Проснувшись же обнять тебя, мой дорогой!

* * *

Когда же сбудутся блаженные мечтанья
 И поцѣлуй вновь обожжетъ мои уста,
 И на груди моей опять ты будешь
 Тренировать въ порывѣ страсти пылкой,

* °

Тогда никто не въ силахъ будетъ
 Тебя изъ рукъ моихъ освободить;
 Не разомкну объятій я дотолѣ,
 Пока не погасишь огня въ груди моей.

* * *

Вернися же скорѣй изъ сказочной земли,
Узнаю вновь тогда покой и упоенье.
Мечтая о тебѣ, слагаю пѣсню эту,
О, если бы она откликнулась въ душѣ твоей привѣтомъ!

Эта пѣснь навела всѣхъ на мысль, что Филомена отдалась новой любви, а такъ какъ можно было заключить, что она наслаждалась не однимъ только созерцаніемъ своего любовника, всѣ сочли ее счастливой и многія позавидовали ей. Когда пѣснь была окончена, королева вспомнивъ, что на другой день пятница, любезно сказала всѣмъ:

— Вы знаете, благородныя дамы, и вы, молодые люди, что завтра день, посвященный воспоминанію страстей нашего Спасителя и, какъ мнѣ помнится, мы всегда набожно проводили его, когда королевой была Неифиле, я прерываю на этотъ день до слѣдующей субботы наши веселые рассказы.

Поэтому, желая слѣдовать доброму примѣру Неифиле, я нахожу приличнымъ на завтра и послѣзавтра воздержаться отъ веселыхъ рассказовъ и вспомнить, что произошло когда-то въ эти дни для спасенія нашихъ душъ. Благочестивое предложеніе королевы понравилось всѣмъ и, когда она простилась съ ними, такъ какъ уже наступила ночь, всѣ пошли на покой.

